

ЕЛЕНА ЗВЕЗДНАЯ

Лесная ведунья
книга первая

Елена Звездная
Лесная ведунья. Книга первая
Серия «Звездное Настроение»
Серия «Лесная ведунья», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55101447
Лесная ведунья. Книга первая: Эксмо; Москва; 2022
ISBN 978-5-04-170767-5

Аннотация

Сказочно живетса ведьмочке Весе в Заповедном лесу! И чудеса есть, и с лешим бродит, и русалки присутствуют, не на ветвях, правда, а в реке ближней, зато с весьма привлекательным водяным. И кот Ученый имеется, и ворон Мудрый, и даже дуб Знаний, который вообще-то для этих самых знаний и подготовки к экзаменам полагается, но так-то почитать о приключениях на досуге предпочитает, и Веся это увлечение с ним разделяет. В общем, живет себе ведьмочка, не тужит, серые волки ей верно служат, Силушка Лесная помогает, и горя никто не знает.

Но однажды пересекается тропа заповедная с дорогами сильных мира сего, и теперь лесной ведунье придется решать: прятаться ли и дальше от своего прошлого или вступить в бой опасный с врагами давними, чтобы спасти себя, свой лес да того, кого осудили жестоко и несправедливо.

Сказка начинается.

Елена Звездная

Лесная ведунья.

Книга первая

© Звездная Е., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

ЕЛЕНА ЗВЕЗДНАЯ

Лесная ведунья
книга первая

Ловушку я ощутила сразу. Как ступила через порог, так и ощутила. Гостей-то еще раньше почуяла, из-за них мне в избу возвращаться и пришлось, а вот ловушку – только сейчас.

И вот что странно – я в избе к приему гостей ну от силы минут десять готовилась, а они за это скромное время нехилую яму выкопать умудрились. Да споро-то как! И филигранно. И формы такой... прямоугодно-намекательной. И я вот сейчас не поняла слегка, они меня ловить собираются или хоронить вознамерились?

И кто там копает со скоростью неимоверной-то?

Они что, взаправду погребальную команду наняли?!

Просто, кто ж еще так ямы копает?! Тем, кто фундамент для дому готовит али колодец какой роет, такая скорость не надобна, там основательность подхода в приоритете, а вот тем, кому на погосте последнее пристанище для бранных остатков требуется соорудить, да по-быстрому до захода солнечного управиться, те как раз по скорости первые. Ну и вид у ямы этой очень уж характерный и недвусмысленный. Из тех, что хотелось бы забыть, а еще лучше вообще не знать.

Постояла, подумала, снова силою магической к земле лесной потянулась. Да, все верно ощутила – ловушка была аккуратной прямоугодной формы. Точно копали не яму ловчую, а место упокоения посмертного. И вот как-то обидно мне стало. Не то чтобы я там очень уж суеверная была, но кто ж для поимки невесты могильщиков нанимает? У людей вооб-

ще хоть какая-то совесть есть?

Еще постояла, прислушиваясь к шелесту листвы, к шепоту ветра, к лесной нечисти, откровенно готовящейся потешиться, к животине, тоже не собирающейся отказывать себе в удовольствии развлечься, и к охотничкам, что на меня охотиться собрались.

«За третьим поворотом от могучего дуба копали. Да яму такую странную понавыкопали... – шепнул мне ветер. – И не одну».

Точно мастеров скорбных дел подрядили!

«Яда нету, одни сонные зелья», – добавил грибовик, высунувшись из-под пня.

Оно и неудивительно, жениться на умертвии охотников нету, так что яду и не ждала. Однако ж и спящую девушку к алтарю тащить тоже такое себе удовольствие, как по мне.

«Скоррррее уже!» – раскричались сороки.

Уже! Бегу и падаю! Нет, так-то вообще я собиралась поторопиться, но вот сейчас все настроение пропало. Гады они бессовестные, а не сваты с женихом! То ли дело вчерашние – и бусами заманивали, и вином, а уж сарафаны-то один краше другого поднесли, и сапоги с лаптями не забыли, даже совестно как-то обижать было, пришлось лучшую кикимору заместо себя отправлять. И что в итоге? Она предложила выпить прямо там же, на полянке, всех перепила и ушла гордо, а жениху ползком пришлось восвояси убираться. Слабый мужик нынче пошел. Кикиморы сказывали, раньше добрый

молодец полбочонка не хмуясь выпить мог, а теперь с четверти замертво падает. Все никак не могу решиться кикиморам страшную истину поведать – бочонки-то в старину разов в десять меньше по размеру были, нежели нынешние. Технологии кузнецкие, дерево мореное и все такое – вот бочки и стали делать больше.

– И чего стоим, кого ждем? – поинтересовался возникший рядом кот Ученый.

– Нет, ну ты видел что удумали, а? – не сдержалась я.

– Он нет, а я видел, – каркнул с крыши Мудрый ворон. – Дело так было: они по плану одну ловушку вырыть должны были да недогляд случился – копатели сначала приняли на грудь, да так, что ровно стоять смогли, только на лопаты опираясь, а потом как разошлись – три лишние ямы закапывать пришлось, так они под шумок те три лишние закопали, а четыре новые выкопали. Сейчас пятаю роют.

– Ироды! – Я аж за сердце схватила. – Да где ж это видано, в моем лесу да погост устраивать?! Тут не место для последнего пристанища!

– Другое удивляет меня, – кот Ученый задумчиво почесал когтем под мордой, – сколько же заплатили им? Видать дорого. У копателей с погоста как оно – за могилу плата вечная, неизменная, пять медяков. И вот как получается – коли больше заплатили, у мужиков-то в голове оплачиваемое количество ям тут же складывается, дескать надо столько-то, и точка. Может, обождем? Уж самому интересно, что из это-

го уравнения выйдет-то.

– Все бы ничего, арифметика вещь увлекательная конечно, только вот они МОЙ лес копают! – напомнила я.

– Так закапывают же за собой, – выдвинул аргумент кот Ученый, мой наставник по части научной.

– Закапывают али не закапывают – без разницы. Лесу-то, почитай, все равно вред, – высказался Мудрый ворон, мой наставник по мудрости.

– Все, я злая! – заключила я, разворачиваясь и уходя в избу.

И такая злая была, что дверью хлопнула со всей дури... и зря я так, изба-то у меня древняя совсем, ветхая.

– Ой, и весело сейчас всем нам будет, – протянул, мурча, кот Ученый, думая, что не услышу.

– Главное, чтобы леший не вмешался, – вставил грибовик, судя по голосу, он уже из-за деревьев под лестницу переместился.

– Не вмешается, далеко он, да делом занят, – прокаркал Мудрый ворон.

В общем да, в нашей компании только один леший и мудрый, и умный, и сдержанный, и суровый, и вообще ему за нас, почитай, завсегда стыдно, но нас всех это почему-то никогда не останавливает.

– А чем пугать будешь, Весь? – повысив голос, поинтересовался кот Ученый.

– Собой! – рявкнула я.

– Сурово, – каркнул ворон.

– Ой-ой... побегу нашим расскажу, – спохватился грибовик.

– Сорок оповести, – начал мудро наставлять Мудрый ворон.

– Кикимор зови, – умно протянул кот Ученый.

«Книги пришли про любовь любовную и страсть страдательную. Забери, пока леший не увидел», – прошелестел на волне лиственного шума дуб Знаний.

Так и живем!

Одно радует – чаща Заповедная сейчас тоже с лешим, так что повеселимся. Уж так повеселимся, что не поздоровится. Причем не нам.

И завершив приготовления, я распахнула жалобно закрипевшую дверь и шагнула из избы.

И хороша я была. Уж так хороша, что Мудрый ворон клюв от восхищения раскрыл, а с деревьев белки попадали.

Но все испортил кот.

– Ты нос забыла, – меланхолично зевнув, сообщил мой Ученый.

Как забыла?

Подняв руку, прикоснулась к лицу и поняла, что таки да – забыла. Пришлось возвращаться, а это очень плохая примета. Нет, я не суеверная – но сначала могильщики, теперь вот вернуться пришлось, не к добру как-то.

Вошла в избушку, подошла к зеркалу и обнаружила нос,

забытый в пудре темно-зеленого цвета. Как упустила – ума не приложу, я же с него обычно всю маскировку начинаю. Что-то день сегодня... странный какой-то. И предчувствие странное. Не нравится мне все это.

Нацепила страшный крючковатый нос на место, лицо дополнительно от души зеленой пудрой припудрила, на руках перчатки в виде крючковатых пальцев с когтями поправила. На голове радовал мой лично взор косматый парик, поверх него шла остроконечная, черная, поганками поросшая шляпа. Поганки сама растила, и выросли они знатные, на зависть самым замшелым пням. Поверх стандартного грязного плаща, вконец страшный натянула. Так, на всякий случай. Я на него мухоморы и плесень лично крепила и магией зашивала, по плечам вообще здорово получилось – седой такой мох, с пауками. Пауки не живые, не изверг же я над живыми так издеваться, но так-то издали не различишь. Не часто я это все надеваю, но это ж надо было придумать, заявиться ко мне и в *моем* родненьком лесу ямы копать без спросу, без разрешения. Совести у них нет!

И подхватив клюку, я зашагала легко и весело навстречу неприятностям – ждут ведь, как же не прийти.

* * *

Не доходя до места действия, пришлось остановиться и не то чтобы дух перевести, а скорее, чтобы спокойствия хоть

немного обрести. Сваты с женишком за дюжину могил заплатили, не меньше! Потому как разошедшихся копателей с погоста уже погнали взащей, но мужики попались ответственные и, отойдя шагов за двести от поляны, размялись, скинули кожуи, взялись за лопаты и...

Треснув клюкой оземь, мигом перенеслась к этим индивидам чрезмерной ответственной и повышенной работоспособности и восстала прямо перед ними, на пути вырывания очередной могильной ямы.

Дальше была беззвучная сцена. Я молча развела руками, намекая на то, что «Мужики, а вы не охамели?!». Мужики же посмотрели сначала на небо, удостоверились, что как бы не сумерки вовсе, а вполне себе утро, потом уже с удивлением воззрились на меня.

– Упыриха? – сиплым прокуренным голосом недоуменно спросил глава могильной бригады.

– Ведунья. Лесная, – сообщила я, пребывая в ярости.

– Такую не знаю, – признался главный копатель, почесав затылок. – Но голос молодой, звонкий, стало быть, девка обычная.

Это я-то обычная?!

– Токмо страшная очень, – добавил он же. – Сходи, умойся, что ли. А еще нос у тебя кривой.

Чуть клюку не обронила. А потом вспомнила – амулет голосоизменятельный активировать забыла. Нет, ну денек сегодня явно не задался.

В общем, амулет активировала, нос поправила и прямо спросила:

– Бежать хотите быстро или очень быстро?

И на сей раз от гласа моего даже листва затрепетала. А мужики ничего, переглянулись только, кожихи свои поподнимали, отряхнули старательно и обстоятельно, на себя надели, да и главный сказал:

– Зачем же бежать? Так и вспотеть недолго. Так пойдем, потихоньку-помаленьку. Потихоньку оно завсегда верней, чем по лесу сломя голову нестись. Да и лес ведь заговоренный, даже ведунья лесная есть...

И тут мужики, а было их семеро, на меня воззрились повторно. Сообразили, наконец.

– Брысь! – прошипела я, ударяя клюкой оземь и открывая им тропу короткую, что сразу из лесу моего вела.

А то мало ли, вдруг еще шагов через двести у них опять ответственно-копательный инстинкт проснется.

Но не тут-то было. Мужики взяли и... обиделись.

– Да ты чего, ведьма лесная? Мы тебе что, котейки приبلудные, что ли?

– Хм, – нос опять поправила и добавила зловеще: – Ну это не я, это вы сами придумали!

И смело магией этих любителей дел лопатных под их изумленное междоусобное мяукание. Может, и не котейки, конечно, но до полуночи окромя «мяу» ничего сказать не смогут. Ибо нечего в моем лесу ямы копать да со мною же

спорить!

И вот восстановив справедливость с копателями, я пошла разбираться с их нанимателями.

* * *

Вообще разбираться ни с кем не хотелось, хотелось к дубу Знаний, книги забрать да в избе схоронить, чтобы уж потом, опосля всех дел лесных, посидеть с чайком и свечкой, почитать на досуге, отдохнуть там.

Но, увы!

Так уж вышло, что у нас, ведуний лесных, имеется кодекс гостеприимства. Перекочевал он к нам не то чтобы очень давно, я лично вообще по сей день понять не могла, зачем оно нам все вот это, однако же кодекс обязывал принять гостей с почестями. Нет, никаких в избу пустить, накормить, в баньке попарить уже не было, не прошлый век, но вот уважение проявить, принять, дары как минимум посмотреть – этот кодекс обязывал. Жаль гостей больше не надо было кормить, а то я по первости и пирог из свежей зелени с гусеницами живыми да отборными, и земляной пирог с червячками довольными, и салат из мухоморов с поганками с большим удовольствием готовила. Червячки с гусеницами сами приползали, порой под шумок к ним и змеи примыкали: повеселиться это каждый завсегда рад, и не важно, насекомое ты или иное ползучее существо, чувство юмора оно всех объ-

единяет. Но полгода назад правила приема гостей в Заповедных лесах изменились, только вот являться все равно было обязательно.

Ну я и пошла, куда деваться-то.

Шла мрачно и решительно, во-первых, за могилы было обидно, во-вторых, весь день мне, гады, испортили. И, в-третьих, не надо в мой лес лезть, когда у меня настроения нету! А у меня его уже нету!

«В кустах малины схоронилися», – прошептал мне ветер.

Это в тех, откуда самый лучший вид на могучий дуб, под коим ловушку вырыли? А, вижу-вижу, и яму, травяным настилом покрытую, и пень, откуда-то приволоченный, на коем бусы рябиновые, бусы черные каменные, бусы белые жемчужные. Не поскупилась на подарки. И на ямокопателей не поскупилась тоже... Ну да ладно, с могильщиками разобралась уже, теперь можно и на заказчиков позлиться.

– Кхе-кхе, – начала я, приблизилась к третьему повороту от могучего дуба. – Ой, чую-чую, духом человеческим пахнет...

И тут у меня глаза заслезились. Здесь духом-то человеческим не просто пахло – разило, да так, что и с ног сшибить могло! По ходу они тут не только могильщикам от души наливали, но и сами делу питейному оказались не чужды. Причем, судя по перегару, пить со вчера еще начали, то есть... Опытные, что ли?

Тут все дело вот в чем – у короля нашего Полесского, чтоб

его приподняло да и бросило, и разов так двадцать, планы появились завоевательные. И так он к этому делу страстно подошел, что позаканчивался быстро мужик военный, вот король за невоенных и взялся. И коли старший сын – того в покое оставляли, на развод так сказать, в смысле для разведения, чтобы не кончились парубки-то, а то военных планов у короля было лет так на тридцать вперед, так что он на будущее думал сразу. А вот сыновьям вторым, третьим и так далее, тем следовало явиться по месту сбора и отдать дань отечеству, только знали все, что монарх у нас к делу военному неприспособлен, воинов своих не бережет, а еще скуп до неимоверного – порты и то под расписку отдает, а жалование так вообще не платит. В общем, не желал люд честной идти на войну, ну никак не желал. Думал король, думал и вот что придумал: «А те, кто ведьм обученных в жены возьмет, от военной службы освобождаются».

Обученные ведьмы закончились очень быстро, и в основном путем переселения в иные, менее матримониально настроенные королевства.

И тогда король новый указ издал:

«А те, кто дев водяных в жены возьмет, от военной службы освобождаются».

Вообще расчет монарха был на то, что простой люд смекнет, что уж лучше на войну, чем такой брак, но король просчитался, и сильно. Потому как, с одной стороны, мужики предпочли русалок военным походам, а с другой стороны –

водяным дело сие не понравилось, и пару недель король, решивший случайно в озере городском искупаться (ну случайно очень переброшенный через то озеро мост каменный прогнил и поломался, совсем случайно), радовал подданных двумя внушительными синяками на все лицо. Водяные ребята суровые, их вообще лучше не злить.

Закон про дев водяных изменен был в тот же день, пока еще глаз второй, которому меньше досталось, не заплыл у короля. Но потом-то его монаршество давай дальше думать. И вот ничему его жизнь не учит, вообще ничему, и издал он такой закон:

«А те, кто дев лесных в жены возьмет, от военной службы освобождаются».

А нас, лесных ведуний, мало того что мало совсем от природы существует, так еще и доброму большинству из нас лет за сотню как минимум. И, казалось бы – кому на старой карге жениться захочется, но, увы, желающие нашлись. Не из простого народу, те здравомыслием отличались, а вот вторые сыновья помещиков, баронов и прочей знати здраво рассудили, что жена не стена, можно и подвинуть, благо денег на полюбовниц хватает, и давай хватать дев лесных, даром что столетних.

И деваться-то нам некуда особо – кодекс гостеприимства тех, кто по правилам пришел, обязывал нас явлением своим уважить да дары хотя бы посмотреть, а дальше уже можно было от ворот поворот, за шкуру вышвырнуть прочь, клю-

кой погнать тоже можно... Но суть-то в том, что простой люд так прогнать-то можно было, но эти-то приходили с магами. И вот тут-то начиналось...

Ладно я, я злые намерения за версту чую, а обычным хозяйкам леса приходилось несладко. И дары бывали зачарованными, и бусы обращались кандалами, и платки падали сетью, ноги сковывающей. А дальше путь недолог – убежать из лесу Заповедного завсегда проще, чем в него зайти, если лесную ведунью схватить удастся.

Но это ведунью обычную, а меня лучше не злить. А они разозлили.

И я вышла из тени дуба, одним шагом, медленно и страшно. А за мной тьма лесная сгустилась, образ дополняя. Ой и страшна я была, а уж зла-то как!

И тут из кустов раздалось:

– А это точно морок или она и вправду такая страшная?

– Это морок.

Голос второго был надменно-презрительным – явно маг. Недовольный тем, что вынужден в этой затее участвовать, но явно плата была хороша, вот и сидит покорно, и даже отвечать соизволит. Видать, действительно много ему золота отвалили.

– А можете морок-то... ик... снять, а то зело страшная, а мне ж ее у алтаря целовать придется, – голос был совсем молодой, и язык заплетался.

– Я не раскидываюсь силой по мелочам, – раздраженно

ответил маг, — и да — это, как я уже и сказал, просто морок.

— Чем докажешь? — раздался низкий баритон.

И он мне каким-то знакомым показался.

Маг выругался, помянув тварей Сумрака, и отчеканил:

— Лесные ведуньи тоньше раза в два. Они питаются травой, ягодами, плодами и кореньями. Данная же... особь, судя по объему плеч, определенно любит поест. Так что морок, и без вариантов.

Травами да кореньями — ага, уже. Я, может, и пирожки уважаю, и булочки жалую, и в целом поест очень даже люблю.

И подправив амулет, меняющий голос, я коварно прошамкала:

— А еще магов люблю, до хрустящей корочки прожаренных.

В кустах стало тихо.

— Она нас слышит? — вновь знакомый баритон.

— Нет, — но у мага определенно начали сдавать нервы, — это — лесная ведунья, она не способна...

— И еще как способна, — шепотком листвы малинника встряла в его речь я.

Стало совсем тихо.

— Ой чует мое серденько — не морок это, — заныл выюноша явно женихательной сущности.

Презрительно фыркнув, маг вскинул руку, и раздался сухой щелчок.

Пахнуло озоном. В лесу как-то сразу посвежело, как после дождя. Тьма за спиной моей рассеялась, через ветви деревьев проглянуло солнышко и все восхитительные детали образа моего волшебственного подчеркнуло. Вообще все. От носа зеленого до зеленых кистей рук с черными загнутыми когтями.

– Не понял, – потрясенно сказал маг.

Снова вскинутая рука, снова щелчок пальцами ухоженными, озоном опять пахнуло. Прямо не погода, а красота – я аж полной грудью вдохнула и, шляпу кокетливо поправив, протянула издевательски:

– Да что ж ты так надрываешься, милочка? Красивая я, красивая. Красота прямо неписаная, али не видно тебе? Так иди ко мне, родненький, зрение подправлю. Клюкою. С размаху. Сначала один глаз, опосля второй. Физическая терапия называется, очень штука полезная, тебе понравится.

Ухоженная рука с отполированными ногтями медленно втянулась в малинник.

– Это не морок! – в ужасе выдохнул маг.

Естественно не морок, я что, зря, что ли, нос себе этот лепила, пудру мшистую закупала пудом цельным? Я, кстати, вместе с пудрой соль себе купила, тоже пуд, так соли еще на три года вперед, а пудра уже заканчивается. Вот что за времена настали?

– Как не морок? – пробасил кто-то знакомый.

– Э-э-э... – раздалось в кустах потрясенное от явно про-

зревших и протрезвевших, и, судя по голосам, их там собралось больше, чем могилокопателей.

– П-п-папа, – проблеял явно женишок мой.

– Это какая-то неправильная лесная ведунья, – решил не терять авторитетности маг и потому сделал такое вот авторитетное заявление. – Вы мне оплачивали захват стандартной ведуньи, а эта...

«Магов любит, – зашептали ему кусты малинника, – особенно ухоженных. Ой, как любит. И не только есть...»

В следующее мгновение маг без слов рванул прочь, теряя на ходу белобрысые патлы, под которыми обнаружилась вполне себе внушительная проплешинка. А маг, не способный нарастить себе волосы, это нечто невероятное, и потому делаем закономерный вывод – от стрессу облысел, причем вот только что.

– П-п-папа, я передумал, я на войну пойду! – заявил кандидат в мои супруги.

Ну вот, совсем другое дело.

Коварно усмехнувшись, я носом повела, а нос у меня был ого-го – пятый по номеру, самый здоровенный в моей коллекции, почти в локоть длиной, и двигался он так, что самой в зеркало смотреть страшно было. Затем рукой когтистой косму зеленую поправила кокетливо да и голоском игривым прокаркала:

– Ой, а кто это там такой молодой да пригожий?

В кустах кто-то дернулся, икнул испуганно и задал стре-

кача не как маг, красиво виляя и проявляя явную сноровку в деле исчезновения с места возникших трудностей, а прямо напролом, через кусты и травы, невзирая на то, что тамочки, между прочим, заросли крапивы были, да еще дальше тоже росла малина дикая и не в меру колючая. Но будем честны – отборная! Сама сажала!

И загордилась собой по праву, когда раздались вопли сначала мага, который в малине опасности не заприметил, а потом и того, кто этого самого мага снес не глядя и рванул далее, продолжая орать, но все равно не останавливаясь ни на миг.

То-то же. А то, понимаешь ли, приходят без спросу, без приглашения, могилы всяческие копают, планы погребальные строят. И никакого тебе уважения к хозяйке леса Заповедного.

Однако вот мне все же стало любопытно – кто ж там так споро улепetyвает, ни крапивы, ни малиновых кустов не убоявшись?

Прикрыв глаза, ударила клюкой оземь да в птицу вспорхнувшую перенеслась на миг, глазами ее свысока взглянула – улепetyвал сын барона Коварда. Первый парень на деревне... тьфу ты, в смысле в городе. Плечистый, румяный, волосы что пшеница спелая, глаза как васильки луговые, девки от вида его сами к ногам его падали, да только вот незадача – наследником Осол Ковард не был. Был он сыном младшим, а соответственно наследства лишенным, и потому светила

ему либо служба в армии королевской, либо – «А те, кто лесных в жены возьмет, от военной службы освобождаются». Вот для таких я и наряжаюсь так, что опосля мужикам уже и черт не страшен. Зуб даю, накладной который, что от сегоднешней встречи с «прекрасною девою лесною» уже поутру баронов сын сам радостно в армию сбежит.

– М-да, – раздалось в тех же кустах озадаченное от барона, – у меня теща и то симпатичнее будет.

– Моя в сравнении с этим вообще красотка, – с видом знатока заявил его верный оруженосец, он же и глава стражи.

Приятно, когда твои старания так высоко ценят! Просто у барона теща – ведьма. Как есть ведьма, и нос у нее, в отличие от моего, вовсе не накладной.

Отпустила я птицу верную, снова в тело свое вернулась. Оценила обстановку задумчиво да клюкой оземь ударила. От удара моего схлопнулась ловушка, сгорели сонные травы, сватушками запасенные, да к моменту, когда голодное магическое пламя рычать перестало, уже неслись прочь «охотнички по невесту», мчались во весь опор, едва поднявшегося мага снова снесли, но баронского сына все равно не обогнали – быстро бегают парень, этот даже в пехоте не пропадет. В итоге маг убежал последним, теряя волосы, амулеты, сапог один и даже кинжал. А мне такого добра не надоть – вернула все, украсив цветочками и добавив записочку: «Вертайся назад, милый, уж я тебя пацалую...»

Опосля такого маг совершил знатный рывок и красиво

обогнал Осола Коварда – оба были хороши, на ветру словно грива и хвост развевались волосы да ошметки изорванной одежды. Загляденьце!

Под дубом со смеху катался грибовик, довольно усмехался кот Ученый, каркнул издевательски вслед «сватам» Мудрый ворон, сойки пересмешницы с сороками переругальщиками гнали войско женихательное до самой опушки леса. Один не в меру добрый волк пытался вернуть магу мое послание, видать, думал, там что-то для мага важное, а потому невдомек ему было, с чего вдруг этот, к которому лесной зверь со всей душой, между прочим, отнесся да помочь решил, вдруг завопил и побежал вообще быстрее ветра.

Славненько вышло, прям душа порадовалась.

Постояла, с улыбкой насмешливой поглядела вслед убегающим и вдруг ощутила, что по самой кромке моего леса Заповедного обоз идет. Идет крадучись, но правила соблюдая – одной ногой по тропе, хоть и тайной, но той, что путникам посвященным открыта, второй – по границе человеческих земель. Шагают, покоя леса не нарушают, веток не ломают, оленя, на тропу вышедшего, не тронули... контрабандисты, значит.

Коснулась дерева ближайшего, открывая заповедную тропу, да и пошла напрямик к гостям незванным, но уважительным и к моему появлению определенно готовым.

Обоз вел Савран, сын Горда-кузнеца, он знал меня и как вести себя знал тоже, а потому, едва я шагнула на тропу перед обозом, тут же подал сигнал всем остановиться, стражам луки опустить, мечникам мечи в траву кинуть, пленникам не двигаться.

– Здравствуй, госпожа ведунья лесная, – засуетился Савран, раскладывая на траве кошель с золотом, кинжал костяной, зеркало ручное, в серебро закованное, мешочек с жемчугом морским – дорого откупался, ой и дорого. Слишком дорого.

Странно это.

– И тебе не болеть да здравствовать, Савран-купец, – вновь активировав амулет искажения звукового, произнесла грубым страшным голосом, вглядываясь в клеть с невольниками.

Хотя как сказать «невольники» – тут практически все и всегда по своей воле были. На услужение они шли. К западу от леса моего Заповедного через море Кипенное лежали земли жен суровых, что и нож, и меч держали уверенно, да мужчины их не меньшей суровостью отличались и о покорности речи среди мужей не шло. Среди жен тоже. Потому и возил Савран живой товар туда, где платили за него высокую цену, где юноша становился мужчиной мягким да

покладистым и жил в роскоши, не трудясь от зари до зари на пашне или у горна, да и в армию на убой идти уже не надобно было.

И казалось бы, выгода всем и во всем. Но поменялось все после новых указов короля. Его-то понять можно – такие, как Савран, отбирали лучших – молодых, здоровых, крепких, что и в нашем королевстве требовались как воздух, особенно ввиду военных амбиций правителя.

– Все рабы по воле своей, госпожа ведунья, – с поклоном сказал Савран.

Да голос его дрогнул.

Лжет, стало быть.

Странно, совсем странно. И откуп слишком дорог, и лжет мне Савран вообще впервые, и самому ему этот факт неприятен очень. Савран – купец честный да совестливый, а вот сейчас, почувствовала я, на душе у него груз тяжкий. И нечисто явно дело с рабами, надо бы проверить.

– По своей воле, говоришь? – переспросила я да и шагнула к обозу.

Странно, за последние пять месяцев первый обоз, что до моего леса дошел, так-то их обычно на полпути ловили да разворачивали. С чего тогда этих не тронули, а?

– По своей! – воскликнул торопливо Савран.

Да поздно было, заподозрила уже ведьма неладное.

– По своей? – переспросила, мерзко подхихикивая.

И саму от мерзости голоса передернуло – хороший у ме-

ня амулет искажения звука, самое то для зеленомордой старушенции с зеленым самоподвижным носом, но от смешка магического даже мне порой жутковато становится.

Горбясь больше для порядку и образу, меньше за счет того, что так видно было лучше, прошла вдоль обозов с тканями да украшениями. Дошла до клетки с выюношами да и начала просматривать каждого в отдельности. Хороши молодцы – статны, высоки, плечисты, на меня глядят с любопытством и настороженно, но мысли у всех светлые – о будущем в достатке, о женщине, что на себя заботы трудовые возьмет. А еще о том, что в Замории женщины красотой славятся, и о том, что за каждого Савран хорошие деньги их семьям оставил, он честен в этом плане, и не придется парням теперь на войну идти, на погибель верную... Да только, отчего же вас, молодцы, до самой границы-то пропустили? Да еще не самоходом разрозненным, а вот так, обозом цельным? Странно это. Ох и странно. Савран умен, троп много знает, но даже для него это слишком большая удача, чтобы быть просто случайностью.

А потом я увидела его.

Впрочем, нет, его самого не сразу. Сначала тень, мрачную клубящуюся тень несправедливости чудовищной, что нависала над ним будто туча грозовая, что отравляла его, словно яд смертельный, что порвала его душу и сковала руки. Несправедливость стала приговором его. Несправедливость жуткая, даже в груди что-то сжалось болезненно.

А мужчина... Самый страшный из всех оказался. Худой, изможденный, шрамами многочисленными покрытый, и даже взгляд на меня не поднял, словно в целом утратил интерес ко всему окружающему да безразличие обрел как у покойника. Будто труп уже, только жив вот еще, да вряд ли его это радовало. И сдается мне, наложил бы он на себя руки давно, только в отличие от остальных пленников – рабский ошейник на нем уже был, и не простой, а активированный, стало быть, и амулет подчинения имелся.

– Пропусти нас, госпожа лесная хозяйка, – взмолился подошедший Савран, – корабль ждет, да и юношей от участи страшной спасаю, ведаешь ведь.

Ведаю, да. Много ведаю. Ведаю даже то, что за мужчиной этим, на умертвие походящим, беда идет. Беда страшная, беда гибельная. И кровь прольется. Много крови. Беда... я на губах ее вкус ощущаю, как чувствую и вкус смерти стоящего рядом со мной сына кузнеца. Смерть ты везешь, погибель свою, Савран сын Горда, да родным твоим кончину страшную в дар чудовищный уже оставил.

Но и сам пленник опасен. Уж не знаю чем, навроде как гибель его ждет да гибель скорая, и сил у него с каплю дождя моросящего – едва-едва на вдох-выдох хватает, а менее опасным мужик от этого почему-то не кажется. Да и за жизнь свою заставит заплатить дорого, уж не ведаю как, но чую отчетливо – этот заставит.

И может, стоило бы оборвать жизнь раба этого здесь и сей-

час, нетрудно ведь: ядовитые шипы призвать, удар незаметный нанести – и не будет той опасности, что раб с собой несет, да только... несправедливость и так над ним. Жгучая, жуткая, невыносимая несправедливость. И не знаю я, в чем обвинили его да за что приговорили, но подкуплены были судьи, солгали свидетели – не было вины на рабе этом. Не было ее.

И что же выбрать – беды избежать малой кровью или исправить несправедливость? Истинная лесная ведунья выбрала бы убийство. Да только я не просто лесная ведунья, я – ведьма. А ведьма всегда за справедливость стоит.

Иэх, была не была!

– Пропущу я тебя, Савран, – проговорила, в раба вглядываясь, – и пропущу, и на тропу тайную выведу, так что у корабля своего через час будешь, да только... я, знаешь ли, женщина, мужчину хочу.

И пленники, что с интересом меня разглядывали, в едином порыве назад отпрянули, явно не горя желанием становиться моими мужчинами. Всех проняло – даже этот, с глазами, застеленными пеленой ненависти, голову поднял да на меня так посмотрел, что идея с шипами ядовитыми единственно верной показалась, единственно правильной.

– Помилуйте предки! – испуганно отшатнулся от меня Савран.

– Хе-хе, – мерзко шепелявя, похихикала я.

И передернуло пленника. На меня он теперь смотрел не с

ненавистью – напряженно скорее, словно почувствовал, какого «мужчину» старая карга выбрала.

– Да как же?! Я неволишь не смогу, а самолично не пойдет никто, госпожа леса хозяйка, – растерянno пролепетал Савран.

– Этот пойдет. – Я указала крючковатым пальцем с жутким черным когтем на пленника. – Ты мне амулет подчинения дашь, он и пойдет. Не так ли, Савран?

И взгляд перевела на сына кузнеца. Думал торговец недолго – с шеи снял амулет да мне протянул с поклоном. Я же кулон концом клюки подхватила, но даже ей, моей верной помощнице не по себе стало – амулет рабский из дерева делают, из кожи, из меди в крайнем случае, но чтобы из закаленной стали с серебром?! Поднесла я амулет этот поближе, разглядывая внимательно, да и оторопела на миг, покуда осознание приходило жуткое. Ох, Савран-Савран, это ведь не просто амулет подчинения, это артефакт, волю ломающий. Вот она где беда! Вот от чего столько людей-то гибель ждет! Вот почему соврал мне купец!

Подняв взгляд от артефакта, посмотрела на бледного купца и сказала едва слышно:

– Что же ты, сын Горда-кузнеца, на сделку с совестью пошел? Ради чего, купец?

Побледнел он сильнее прежнего да и выдал как на духу:
– Из-за матерей, что просили сыновей своих от войны убе-
речь. Из-за товара, что портился на складах, а все дороги

закрыты уж сколько месяцев. И когда пришли ко мне люди от короля да пообещали пропустить через посты все беспрепятственно, только лишь за то, чтобы я раба, на смерть осужденного за убийства многочисленные, через границу вывез да за лесом твоим оставил, согласился я. Выхода-то другого не было, госпожа хозяйка лесная.

Покачала я головой отрицательно, на купца глядя укоризненно, да и сказала так, чтобы только он и услышал:

– Это артефакт, Савран. – И клюку подняла чуть выше, к лицу мужика поднеся ближе, чтобы разглядел хоть сейчас, если уж раньше не сподобился. – Не простой он, и цена ему – весь твой обоз, и с живым товаром, и с неживым. И нужен ты тем людям был, только для того, чтобы лес мой Заповедный миновать, а как пленника сдал бы, там бы и ты полег, и все твои обережки с пленниками. Савран, те, у кого денег да магии на такой артефакт хватает, свидетелей не оставляют. Не простое ведь серебро, и роспись на нем не простая. Разве станут подобный надевать на обычного осужденного? Что ж ты, сын Горда-кузнеца, не углядел странности такой?

Пошатнулся Савран.

В лице переменялся.

Дернулся было к обозу да так и остановился, на меня с надеждой взираючи. И понять его можно было – одна надежда у него оставалась, всего одна... на меня, вот и надеялся теперь. Только сделать я для него мало что могла, за пределами леса Заповедного нет у меня силы. Да и как ведунье

лесной не пристало мне вмешиваться в дела людские, но ведунья из меня, как из поганки гриб белый, если уж честно.

– От одной беды я тебя уберегу, Савран, – сказала, всматриваясь в дальние границы леса своего, – открою тропу заповедную, лес пройдешь быстро да выйдешь не у Выборга, где ждут тебя, а южнее – у самого порта.

Купец не поклонился даже. Стоял блее мела, на меня глядел с ужасом да одними губами и прошептал:

– Семья моя, жена, ребятишки, родители... люди верные... Ты, госпожа, сказала «от одной беды уберегу», стало быть, от других уберечь не можешь?

Умен был Савран, да только задним умом все мы умные.

– Не от всех потерь уберечь я в силах. Дело уже сделано, Савран, за твою ошибку кровью заплатят многие. Но время пока есть, да и ты, думаю, обоз провел быстрее, чем ждали от тебя. Так что человека одного из обоза домой отправь, жену твою, ребятишек пусть сюда привезет да и тех, кто причастен, тоже – пропушу через лес беспрепятственно, той же тропой, что и весь обоз. В порту их жди, на том же месте, куда с тропы моей сойдешь. А самому тебе домой вертаться смысла нет, Савран, убьют тебя еще по дороге.

Шатался Савран, как сильно выпивший, горе с ног его сбивало. А все же сумел спросить:

– А родители? Батька с матушкой?

Руку страшную в перчатке когтистой протянула, ладонь купца, от прикосновения вздрогнувшего, сжала сочувствен-

но.

– Мужайся, сын Горда-кузнеца, смерть там, я ее чувствую. Сгорбился Савран-купец, понял он все.

Вот так в один миг и становятся дети взрослыми, задыхаясь от боли и понимая, что больше ты не сын или дочь, и мир уже никогда не будет прежним.

– Мужайся, – повторила тихо, – сотворенного не вернуть, ты сам муж и отец, ты своей семье нужен.

Отступил купец на шаг, поклонился до самой земли-матушки, произнес с горечью да честно:

– Век благодарен буду, госпожа леса хозяйка.

– Поторопись, время идет, – никогда не умела благодарности принимать.

Савран поторопился и, направляясь к тому, кого домой послать собрался, на ходу дал приказ своим мужика моего выгрузить. Но тут заминочка вышла – охоронники не успели в клеть войти, как парни сами подхватили пленника и передали с рук на руки. Судя по всему, ходить мужик не мог...

А едва его на траву усадили, я клюкой махнула, открывая тропу заповедную каравану да другую тропу заповедную для помощника Саврана. Может, и успеет, может, и спасет, да сдается мне, что не всех, и предчувствие опасности не отпускает... А значит, быть беде. Все-таки быть.

Ну да беда – не всегда смерть, так что как в лес мой войдут, по ситуации смотреть буду.

Когда исчезли среди деревьев и обоз, и помощник купца, назад отправившийся, медленно подошла к пленнику, которого усадили да прислонили спиной к стволу дерева, видимо, чтобы не упал. Подошла я близко, страха во мне не было – это мой лес, тут я сила и власть. Да едва приблизилась – усомнилась в безопасности своей. Слишком уверенно смотрели на меня фиолетово-синие, как небо перед грозой, глаза, слишком явной была усмешка, таившаяся в уголке губ.

– Что, ведьма, коли сама рожей не вышла, то и мужика себе под стать выбрала – самого завалящего? – язвительно спросил он.

– Ну, допустим, как мужик ты мне и даром не сдался, – ответила я задумчиво, – но про себя верно сказал – вконец ты завалящий, небось уже и под себя ходишь.

Синие глаза сверкнули яростью.

И не то чтобы знакомство мы правильно начали, а все равно на душе приятно стало – знай наших, зазнайка невольничья.

– И кто же я тебе теперь? Раб? – спросил властным да повелительным голосом мужик.

– Охраняб, – поправила я, задумавшись, откуда же у невольника голос такой взяться мог. – Охранять меня будешь, – продолжила насмешливо. – А то, знаешь ли, разве-

лось тут в последнее время желающих под венец меня повести без спросу да без согласия, а я, может, девушка переборчивая, мне по любви надоть. Вот и будешь ты мой верный охраняб, вверяю тебе свою честь девичью.

По мере моих слов глаза у раба спасенного становились все шире и шире, пока явно привычный для него язвительный прищур вовсе не исчез. Судя по всему, мужик, как, впрочем, и все, был искренне убежден, что от квитка моей чести девичьей только поганка и осталась и на нее уже вряд ли кто позарится, но... Но он был раб, а я теперь его хозяйка, так что будет по-моему.

– А за службу... – смирившись с неизбежным, начал было раб.

– А за службу твою верную, не буду к тебе как к мужику приставать, – предложила я.

– По рукам! – мгновенно согласился он.

Видать, лобызаться со мною для него было хуже смерти, оно и неудивительно – страшна я. Ух и страшна! Я как маску, перчатки и нос надену, сама себя в зеркале боюсь, так что неудивительно, нет.

Другое удивляло меня – от чего ж я опасность чую от мужика этого, что даже ходить не в силах? На вид слабый совсем, одни кости, жилы да кожа, чуть ли не на издыхании последнем, а угрозой веет, да такой ядреной, что чащу Заповедную призвать хочется и жизнь его оборвать решительно. И может, правильно то было бы, да только... несправедли-

вость чудовищная над ним все так же висела тучей мрачною, а я как-то по справедливости все делать привыкла.

И вот стою я, под носом накладным собственный зачесался, никак с пудрой переборщила, и думу думаю. Оно как – коли мужика к себе беру, надо бы лешего позвать, с ним поговориться да к Силе Лесной обратиться, у нее дозволения спросить, но точно знаю – и лешенька против будет, и Силушка Лесная запретит. И мне бы как ведунье лесной поступить полагается, по протоколу, но не могу я так. И скрыть все тоже не выйдет – коли я раба этого в избенки рыбацкие отправлю, помрет он там, как бы ни хорохорился, так что надо в мою избушку его и лечить пусть и бедового, но больного. В конце концов живет же у меня домовый приبلудный, уже года два как живет, и ничего, пока никто ничего не заметил. Правда, цельный мужик это не тихушный домовый, да делать нечего.

На том и порешила, точно ведая, что влетит мне теперь что от лешеньки, что от Силы Лесной. А еще от беды неминуемой, что в лес мой следом за мужиком этим придет, и мне это известно. Ну да кто с бедой ко мне придет, тот сам виноват, я ему не лекарь.

А мужика спасать надобно, он без меня и до полуночи не доживет.

– Подняться сможешь, охранябушка мой? – ласково спросила я. – Али плечо подставить хрупкое, женское?

На плече росла поганка, так что мужик такой вариант да-

же не рассматривал, и хоть тяжело ему было, а поднялся... С шестого раза поднялся, уж думала помочь, но ничего – встал, шатаясь аки камыш на ветру да за ствол древесный из последних сил держась.

– Что ж ты за него как за родного цепляешься-то? – не смолчала я. – Может, все ж ухватишься за плечо мое нежное, а там, глядишь, и до лобызаний дойдем?

Мужик только зыркнул злобно, а говорить ничего не стал – сил просто не было, все на подъем ушли, а может, понял он, что не хочу я приказывать. Могла бы, достаточно слово сказать да к кулону подчиняющему прикоснуться, но в том-то и дело, что не амулет это был, а артефакт, и волю ломал он необратимо, от того я не хотела его использовать, а мужик... Мужик, видимо, понял это каким-то своим, звериным чутьем.

И точно понял.

– Спасибо, ведьма, – сказал вдруг.

– Да не за что, охранябушка, – усмехнулась я, – давай, милый, два шага – и дома будем. Сдюжишь?

Он только кивнул в ответ.

А я клюкой дважды оземь ударила да и открыла короткий экстренный путь к дому своему. Только вот не два шага тут было, а все пять. Но мужик ничего – первый шаг сделал, на втором пошатнулся и не устоял, третий прополз, к четвертому только рухнул, аккуратно на ступеньки избушки моей. И все бы ничего, только все так же змеилась, клубилась, кра-

лась за ним несправедливость зверская... и как помочь рабу своему, я не знала. Как излечить ведала, а вот как помочь беде его – нет.

* * *

На пороге моей избушки долго сидели мы оба...

Ну как сидели – я сидела, задумчиво подпирая щеку кулаком, и ждала Михантия, а мужик – он лежал кулем почти бездыханным, впрочем, про куль это я утрировала чрезмерно. Хорош был мужик... когда-то давно. Стать, разворот плеч, волосы черные, словно вороново крыло, а ныне с проседью на висках, руки... многократно ломанные, но видать до пыток пальцы были красивые, сильные, меч держали уверенно, да и не только его. Сильный был мужик... когда-то. А сейчас смотреть на него и то больно было.

Когда Михантий появился перед моим домиком, сразу и не понял, от чего это рядом со мной мужик лежит.

– Тяжелый, – сообщила я медведю, одновременно потянувшись за бочонком с медом, который на гостинец ему припасла. – Знаешь, поначалу решила, сама справлюсь, выглядит же как мешок костей, но тяжелый оказался, не поднять.

– Угуррр, – прорычал медведь сочувственно.

А я серьезно чуть не надорвалась. Думала, ну мужик и мужик, тут уж точно только кожа да кости, постелила ему в сенях, поставила отвары нужные на плиту, ужин в печку, а как

пришла тянуть этого – ни в какую, даже с места не сдвинуть. Пришлось звать Михантия.

– Только ты осторожно, – попросила, поднимаясь со ступенек и отодвигаясь, чтобы медведю было где развернуться, – и так ему досталось.

– Угум, – подтвердил лесной зверь и мой закадычный приятель, берясь лапами за бессознательного мужика.

И тут случилось то, чего вообще никто не ждал – едва когти медведя бережно и практически трепетно сжали изможденное тело охраняба, как мужик вдруг мгновенно пришел в себя, оттолкнулся от ступеней ногами, опрокидывая на спину моего медведя и сноровисто падая следом, чтобы со всей силы локтем острым прямо мишеньке в живот треснуть.

– Ты что творишь, ирод окаянный?! – возопила я, хватаясь за клюку. – Не смей медведя бить, сволочь!

Ирод на меня взглянул, глаза его помутились, и мужик снова вырубился. Прямо на медведе и вырубился.

И вот после всего этого, когда Михантий тащил мужика в сени, я сделала вид, что не заметила, как медведь его пару раз о косяк приложил, и вообще кинул не очень бережно на матрас, свежим сеном набитый, да хоть пинать не стал, усовестился.

– Ну, может, у него инстинкт такой, шкуросохранительный, – глубокомысленно предположила я, пытаюсь оправдать нападение одного виновного мужика на одного невинного

медведя.

Михантий очень скептически на меня посмотрел, показательно тяжело вздохнул да помычал неодобрительно. Не одобрял в смысле.

– Ничего, оклемается... наверное, – неуверенно сказала я, глядя на мужика, который сейчас больше на грудку сломанных костей в мешке походил.

Медведь был со мной не согласен, логика и здравый смысл тоже, но какая ж ведьма мимо несправедливости жгучей пройдет? Правильно – умная. А это явно не я...

– Мед не забудь, – крикнула в спину уходящему медведю. Тот поклонился благодарственно, бочонок прихватил и был таков.

А не особо умная ведьма осталась и со своим рабом, и с бедой надвигающейся, и с чувством опасности неминуемой, и с цельной жгучей несправедливостью. Та зависла в углу облаком немого укора, напоминая, что пора браться за лечение охранябушки, а то ж до утра не доживет же.

* * *

Всю ночь я как самая умная просидела рядом со охранябом. Сначала вливала в него отвары пипеткой по капле, после часу ночи по две капли, к четверем утра по ложечке чайной каждые пять минут, в седьмом часу я вырубилась на моменте заливания в него отвара уже через носик фарфорово-

го чайничка.

Оно, может, я бы и не вырубилась, но прошлую ночь одна не очень умная лесная ведунья всю эту самую ноченьку читала пошлый рыцарский роман, а на сегодня почитать уже было нечего, от чего спать хотелось неимоверно. И в какой-то момент, я только на секундочку глаза прикрыла, чайничек у рта мужика моего удерживая... А дальше не помню.

* * *

Проснулась я утром, спозаранку, часов было восемь, не больше, и разбудил меня низкий мужской голос:

– Девушка, что вы тут делаете?

С трудом разлепив ресницы, обнаружила, что мой охраняб уже очень даже пришел в себя, выпил все из чайничка, и из ведерка допил, и даже самовар, что стоял рядом опустошил тоже, а теперь будил меня, сладко спящую на его законном спальном месте, хотя я точно помнила, что сидела рядом на низкой табуретке, когда поила его, и вообще не помнила, чтобы перебиралась поближе к болезному.

Проморгавшись, поняла, что, во-первых, мужик слишком быстро как-то в себя пришел, во-вторых, я, не ожидавшая столь быстрого восстановления пленника, несколько была не в образе, а в-третьих:

– Сегодня же суббота!

– Суббота? – нахмурился мужик.

– Ну да, суббота, ярмарочный день! – воскликнула я, соскакивая с его постели.

Охранябушка поднялся тоже, но не столь резво... хотя одно то, что сам с первого раза поднялся, немного смущало. И вообще многое смущало, но не суть-то.

– Ты это, ложись, – приказала я, – ведьма скоро придет, а она ого-го суровая!

Раба это не напрягло.

– И до мужиков охочая! – добавила я.

А вот это уже напрягло, мужик мгновенно сел и принялся изображать бледный и болезненный вид. Но это не помешало ему задать крайне неприятный вопрос:

– А ты... кто?

– А я тебя отпаивать должна была, – практически не сошлась я. – Но ты уже и сам все выпил, как я погляжу. Нужник-то сам найдешь?

На меня посмотрели так, что стало ясно – коли не найдет, то у меня тут два нужника появятся, в смысле этот если не найдет, то отстроит с нуля. Решительный такой индивид, явно со всеми проблемами привык справляться сам.

– Вот и славненько, – засуетилась я, из сеней пятясь в избушку, – а я побежала, ждут меня родители-то.

И юркнув в дом, споро схватила сарафан, натянула его поверх рубашки-вышиванки, в нее вчера сразу переделась, как помыться смогла за пять минут в перерыве между ложечками вливаемого в мужика отвара. Волосы заплела в две

косы, украсила лентами с рябиной, взяла корзинку, монеток мелких и, обувая лапти на ходу, попрыгала к двери.

Вот тут-то мы и встретились.

Моя голова и живот охраняба. Но так как живота толком не было, от столкновения стало больно... причем мне.

– Ох ты ж! – только и прошипела.

– Аккуратнее. – Мужик меня придержал, не дав упасть. – Что ж ты как оголтелая носишься?

– Так спешу же! – подавив вопрос о том, как он вообще ходит, выдохнула я.

Выпрямилась и мужика еще раз внимательно оглядела.

В общем... большой был мужик. И плечистый. И опасный такой, как волк-одиночка, которого серые всей стаей разом побаиваются, а еще мужик видел. Избу мою в смысле видел. Для других тут, как ни зайдешь – тьма беспросветная, а этот одним взглядом быстро все осмотрел, да так, что стало ясно, – видит он. И чашку на столе оставленную, и пирожок надкушенный, и книжку...

Книжка!

Я метнулась к столу, хватая томик, засунула в корзинку и обратно к выходу было подалась, когда до охраняба дошла одна только ему видимо ведомая истина:

– Стало быть, ведьме служишь.

Хм, интересное предположение.

– Стало быть – служу, – не стала я отпираться.

И невежливо вытолкав мужика из светлицы, дверь закры-

ла, а затем добавила:

– Ведьма сказала, тебе до заката есть ничего нельзя, только пить. И спать. И пить, и...

– И спать, я понял, – произнес мужик.

– Ну вот и хорошо, что понял, – улыбнулась ему я и, обойдя его, такого статного да широкоплечего, выбежала во двор.

А то ярмарка же сегодня, могу не успеть, да и леший ругаться будет, если вернусь слишком поздно.

Кстати, о лешем.

– И со двора не уходи, – крикнула мужику в целях конспирации, – лес для тебя опасен пока.

* * *

А вот для меня лес был домом родным!

Самым чудесным местом на свете, самым светлым, самым любимым! И я бежала навстречу новому дню, здороваясь с деревьями, лесными обитателями, нечистой, стадом оленей, матерым волком Хоемом, который сюда, ко мне в Заповедный лес, заходил порой просто побегать словно молодой волчонок, и мы промчались с ним вместе наперегонки до самого дуба Знаний. Тут волк отстал, не любят волки котов, хоть и ученых да магических, а все равно не любят.

– Все выучила? – спросил призрачный кот Ученый, глядя на меня двумя фосфоресцирующими глазами прямо из дуба.

– Выучила! – Я достала книгу, с поклоном протянула ее дубу.

Дуб у меня был необычный, а по сути если уж честно, то сообщником в деле почитания романов любовных, приключенческих, юмористических и вообще. Любили мы с ним почитать, даром что я ведунья, а он дуб-дерево.

– А про что книжка-то была? – с нескрываемым подозрением спросил наставник мой по учебной части.

Обыкновенно дуб устраивал подмену в лучших традициях мимикрии – на любовный роман он цеплял обложку учебника какого-нибудь, чем и маскировал нашу почитательную деятельность. И с одной стороны, ход был умным, но с другой – я опять забыла прочитать название предположительно учебника, так что затея начала трещать по швам.

– Эм... – проямлила я, сильно сожалея, что уже отдала книгу дереву, и нет возможности подглядеть название.

– Ты ж все выучила, – коварненько протянул кот Ученый.

– Так я содержание учила, – попыталась выкрутиться, – а не название.

– Ну-ну, – кот Ученый проявился частично, растянулся на ближайшей ветке и промурлыкал: – Тогда рассказывай, Весенька, о чем книженька-то была, что нового из знаний тебе дала, чему научила?

Я посмотрела на дуб, дуб молча посмотрел на меня – у нас с ним сейчас было так много общего. Проблема в том, что дуб на новом языке читать не мог, и не важно, что он цель-

ный дуб Знаний, дуб на то и дуб, чтобы старину помнить – вот на стародавнем он и читал, а на современном никак. От того романы ему я зачитывала вслух или пересказывала, если стиль и слог были так себе, в общем, помочь он мне сейчас вообще ничем не мог. А я не могла сдать нас обоих, и потому пришлось выкручиваться.

– Ой и много знаний повёдал мне учебник-то, – начала я, – а уж сколько мудрости жизненной, сколько...

На этом красноречие мне отказало. В целом романчик был так себе – про деву, что на протяжении всей книги размышляла, кого ей полюбить-то искренне и на всю жизнь. С одной стороны, она вроде как любила оборотня, да с другой стороны, у вампиров и жизнь подлиннее, и денег побольше. В общем, здравомыслящая девица сделала здравый выбор в пользу долголетия и сребролюбия. А оборотень от тоски выл на луну... пару дней, а потом новую деву встретил и закрутилось у них... В общем мы с дубом с самого начала симпатизировали деревцу, что в знак любви посадил для девицы оборотень. Seriously, я хотела бы знать, как там дальше дело было у яблони, как росла, какой сорт яблок дала, как в целом жизнь сложилась? Яблоня в книге вообще самым интересным персонажем оказалась, она даже посреди зимы зацвести умудрилась. Но, увы, все закончилось банальнее некуда – свадьбой. Причем вампирской. А чем там все завершилось у оборотня я вообще не помнила. Однако я бы выкрутилась, не впервой же, только день вчера выдался,

событиями сверх меры насыщенным, так что общий сюжет книги я припоминала с трудом, с очень большим трудом.

– Мм-м... как сажать яблони, – вымученно выдала я, стараясь не смотреть на кота, который саркастично взирал на меня, словно все давно знал, и ему просто нравилось меня мучить.

Ибо к совести он взывать перестал давно, осознав, что совести у меня нет. Но у него ее, между прочим, тоже отродясь не водилось!

– Воська, а там точно учебник был али как? – промурчал наставник.

Дуб аки идеальный подельник, мгновенно схомячил книгу.

– Точно! – прижав руку груди, клятвенно заверила я.

Ну а чего бы и не поклясться, коли доказательств обратного нет?

«С яблонькой что?» – вопросительно прошелестел дуб.

«Слили персонажа», – расстроено сообщила я.

«Вот же ж» – посетовал мой сообщник.

«И не говори», – поддакнула я.

Кот продолжал внимательно на меня смотреть, я продолжала делать самый честный и невинный вид, а я с этим делом наострилась уже так, что не прикопаешься. И доказательств у наставника не было, так что...

Так что кот Ученый перешел к извечному.

– А к экзамену когда готовиться будем? – укоризненно

начал он.

– Эм-м-м... – начала я придумывать очередное оправдание.

– Год до экзамена остался! – поучительно напомнил кот. – Год всего! А ты? Про любовь она книги читает!

– Про яблони, – вставила я.

– Про любовь! – не согласился кот.

– Про любовь к яблоням, – не сдавалась я.

И усатый гневно выдохнул, осознав, что пора переходить к более веским аргументам.

– Смотри, Воська, добегаешься до алтаря самого, вон, поговаривают, товарка твоя вчерась замуж выскочила! А все почему? А потому что охранительную магию не выучила... прямо как ты.

Если честно, я понадеялась, что он издевается. Посмотрела на наставника – но тот, похоже, вообще не шутил.

И я похолодела.

– Как выскочила? – спросила сдавленным шепотом.

Кот высунулся из дерева весь, потянулся призрачным телом, устроился на толстой ветке, скептически на меня посмотрел и сообщил:

– Да поговаривают, маг там был, и не чета тому плешивому, что прошлым днем через малинку нашу повышенной колючести рысак породистым бежал сломя голову...

– Надо же, беда-то какая, – расстроено проговорила я.

Вообще в сообществе нашем ведуний лесных интересо-

ваться делами было не принято. В целом-то если честно, то не каждая ведунья и говорить-то могла, разве что только позвериному, ибо преимущественно со зверями же и общалась, ведь во времена стародавние люди в Заповедные леса не сошались да и вообще стороной обходили, кто ж знал, что все изменится.

– Так что учись, дева ты моя непутевая, – грозно начал наставлять меня кот Ученый. – Денно и ночью, без сна, без отдыху...

– Котя, я ж так свалюсь на третий день от недосыпу-то! – не сдержалась я.

– А что делать? – развел лапами он. – Суровые времена требуют суровых решений, Весь.

Да уж, вот и поговорили.

– А может, мы того... это... ну его, этот кодекс гостеприимства, к лешему, главное, не моему, а? – предложила я. – Переведем чащу Заповедную в боевой режим – никого не впускать, никого не выпускать, и будем жить себе спокойненько. Опять же – у меня запас пудры зеленой на исходе, я ее уже месяц ищу по всем ярмаркам, а ее днем с огнем теперь не сыскать, между прочим.

– Кодекс надо чтить, – не согласился с моим предложением кот, – иначе сама знаешь – придет Сила Лесная и никому не поздоровится, он у нас мужик, знаешь ли, суровый. Ну, если все еще мужик...

Да, с этим вот тоже с недавних пор возникли проблемы.

Ранее был Дух Лесной и всем все было понятно. Но внезапно дух решил, что сила – оно и звучит красиво, и солиднее так, и теперь вот все, хоть убейся, но отзывался он только на «Сила Лесная», иначе никак.

– Еще не определился? – вздохнув, спросила я.

Кот развел лапами, демонстрируя, что понятия не имеет.

Просто это как-то так не совсем нормально, когда вызываешь, выдавая что-либо наподобие: «Ой ты гой еси Силушка Лесная, будь так добр помоги с делом таким-то». «Силушка» и «будь так добр», или «так милостив»... Уже решил бы поскорее, нам-то, простым нечистям, как-то без разницы мужик или женщина, но определенности хотелось бы.

– Поговаривают, главный маг королевский лично за дело взялся, и куда он шагнет, там падают рубежи охранные Заповедных лесов, – сообщил наставник по учебной части.

– Вот оно как, значит, вконец неймется королю, – расстроено подытожила я.

Кот важно кивнул.

И он и я, мы оба знали преотлично, что ведунья лесная из меня никакая. Кое-как живу-существую да лесом пытаюсь по наитию управлять. Если бы не леший мой, даже и не ведаю, что было бы. Так что прав кот Ученый, надо мне науками заняться, лесоведение закончить, правила ведуний наизусть заучить, а не с методичкой вечно бегать, да и способы защиты от магов отработать. Пока что везло мне – чаща Заповедная с гостями незванными сама управлялась, а я, ко-

ли требовалось, на силы ведьминские полагалась, но сколько еще везти будет? Делать нечего, придется засесть за учебники.

– И-эх, жизнь моя поганка, – вздохнула я.

Ближе к дубу Знаний подошла, трижды по стволу постучала, сочитальник мой выдал свиток берестяной да карандаш грифельный.

Полчаса под присмотром кота Ученого я список составляла. Хорошо хоть Мудрый ворон не прилетел, а то список стал бы вдвое больше. В первую очередь наставник потребовал, чтобы я трактаты по охранительной магии изучила, но тут я слукавила слегка, и помимо книг ведунических, еще и ведьминские в список внесла. А пользуясь тем, что кот ничего в профессиональном магическом языке не смыслил, добавила книгу по подчиняющим артефактам – так, на всякий случай. Просто мужика-то я спасла вот уже почти, до сих пор понять не могу, как так быстро вышло, а с теми, кто родных Саврана-купца погубил, разобраться все равно хотелось. Не терплю я несправедливости да злодейств непокаянных. В отношении себя стерпела бы, а в отношении других как-то не получается.

* * *

Написав весь заказ, в дуб Знаний отправила, с котом Ученым попрощалась да и пошла в Веснянки. Ярмарка сего-

дня только там, в Западянке через неделю, еще через неделю в Выборге, а опосля в Нермине. Мне было удобно – так я одну неделю была Весей из Западянки, которую папенька на ярмарку в Веснянки отправлял, в другую уже Зарей из Веснянок, которую бабушка слала на торжище, в Нерминя ходила сиротой, в Выборг падчерицей злой мачехи. Когда-то думала, зря я так, проще ж правду людям говорить сразу, а потом... нет, не зря. Ох не зря. Давно миновали времена, когда охраняло вече лесных ведуний, давно канули в Лету древуны и культ их Древесного бога. От всей старины полесской только мы, ведуньи, и остались, а в остальном...

Поначалу все казалось несерьезным – король взял и своего бога поставил, одного над всеми. Мы пожали плечами да и внимания не обратили – ну бог и бог, сколько их было и будет... да не тут-то было. Новый бог требовал храмов, жертв и... власти. Власти хотел и король.

И понеслось...

В один год, я еще девчонкой была, отменил король власть вече, отменил и сами народные собрания. В другой – приказал гнать служителей Древесного бога, высмеяв их поклонение идолам деревянным. А потом больше и дальше. Были те, кто против изменений восстал, но на сторону власти встали маги, и запылали в единый день все храмы Древесного бога. А мы, ведуньи, остались. Остались потому, что сама земля нас бережет, сам лес охраняет да вся нечисть лесная на защиту встанет, коли что не так. Но если... если ведунья за руку

с мужчиной в храм нового бога войдет – нити силы рвутся, словно паутинка непрочная... Коварен оказался новый бог али сильны стали маги, кто его разберет. Однако все меньше нас. Мой вот лес вообще ослабел, без ведуньи оставшись, до сих пор восстанавливаю, и работы еще край непочатый. Ну да ничего, справлюсь... как-нибудь. Надо бы, конечно, по науке лесоведческой, но там книга такая – во сколько бы ни начал читать – все равно заснешь странице на второй так. И тут не поймешь – то ли книга заколдованная, то ли я умом не отличаюсь. Сильно подозреваю, что второе.

* * *

В Веснянки я вошла грустная из-за всех этих нерадостных дум.

Махнула приветственно дяде Зоргу, стоящему на воротах, да и смешалась с толпой, ныне странной какой-то. По обыкновению как – все вдоль прилавков ходят, к товарам прицениваются, с продавцами весело торгуются, а сегодня торговые ряды пустые были почти, весь люд честной на площади перед воротами собрался, чего-то обсуждали эмоционально очень. А чего?

Подойдя к бабе Урре, у которой я завсегда творог со сметаной покупаю, низко поклонилась старой женщине, но спросить ничего не успела, бабушка первая заговорила: – Ох, шла бы ты, Веся, домой сегодня, да скоренько, –

и без счету, без взвешивания, протянула мне творог, в тряпицу чистую замотанный.

— А что случилось-то? — с благодарностью принимая, тревожно спросила я.

— Маг случился, — прошептала одними губами баба Ура, — да охальник тот. По вечеру на сеновал увел девку Ванко-кожемяки, с утраца из его комнаты красная как маков цвет Кора, дочка Ветова, вышла. И сама понимаешь — он маг, закон ему не писан и отказу не принимает, а девкам бесчестье на всю жизнь-то оставшуюся. А ты ж, Весенька, девка приметная, мимо тебя точно не пройдет. Иди домой, и денег не надо, уходи от греха подальше.

И не успела она договорить все это, а я уже ощутила взгляд чужой, изучающий. Да такой, что одним этим взглядом явно любые двери открываются, в смысле смотрел маг, и уровень у него был не абы какой. И я отчетливо прочувствовала, как маг изучил взглядом и ноги мои, и все что выше, и косы, и профиль. И, видать, все ему понравилось, ибо решительно направился мужик на завоевание крепости, в смысле чести моей девичьей и всего, что к ней прилагалось. А прилагалось к ней многое. Ой и многое... столько всего прилагалось, что на месте мага я бы раз так сто подумала, прежде чем подходить, а он не думал — с ходу на приступ пошел.

Я почувствовала его прежде, чем мужик материализовался рядом, впритык практически, заставив испуганно вскрик-

нуть бабу Урру и отшатнуться от нас чуть ли не весь люд веснянский, явно к магическим явлениям не привыкший. А еще определенно не привыкший к тому, что мужик с ходу, с наскоку впритык придвигается, да так, что и мужу смелому не по себе станет, что уж о девице испуганной говорить.

Только вот адресом маг любвеобильный на сей раз ошибся.

– Извините, неуважаемый, – сказала, неприязненно мазнув взглядом по магу, стоящему настолько близко, что я дыхание его чувствовала, не говоря о масле нательном ароматическом, – я сейчас расплачусь, и вы сможете купить себе творога, раз вам ТАК СИЛЬНО надо.

И казалось бы – охолонись, маг, ведь дева что скромной да испуганной быть должна априори, явно и не скромная, и страху на нее черта с два нагонишь, но нет!

Стоило мне за кошельком полезть, как маг перехватил руку мою и шепнул, шагнув еще ближе:

– Не торопись, милая, сам расплачусь. И за творог, раз он *тебе так* нужен, и за все, что пожелаешь, красавица моя.

И он сделал пасс рукой, от чего на колени к бабе Урре свалился самый настоящий золотой. Учитывая, что творог два медяка стоил – это была не просто щедрость, это был перебор. Показной, демонстративный и наглый перебор.

Я постояла, глядя на бледную бабушку, после чего наклонилась, забрала золотую монету с ткани ее юбки, не чураясь, опробовала на зуб, задумчиво осмотрела, показно, де-

монстративно и нагло, и вынесла вердикт:

– А золотой-то не полновесный. Скупердяйничаете, господин маг.

И вернула монету бабушке Урре, добавив положенные две медные.

Затем, обойдя застывшего мага, отправилась дальше вдоль рядов, попутно укладывая творог в корзину.

А позади раздалось от бабы Урры:

– Гггосподин ммаг, ваша мммонета...

– Себе оставь! – рявкнул он.

И направился за мной, шагая решительно и зло. Догнал да заступил дорогу. Не поднимая взгляда, попыталась обойти – не дал, снова заступив путь. Попытка обойти слева тоже не принесла результата. Смирившись с тем, что день сегодня определенно не задался, я развернулась и пошла назад, намереваясь в конце молочного ряда на мясной свернуть. Сама я мясо редко ела, но теперь у меня дома появился мужик, а мужиков кормить же надо... Особенно таких, слишком быстро оклемавшихся. Ой, чую, хлебну я горюшка с ним, ох и хлебну.

И тут случилось неприятное.

В конце молочных рядов вдруг появился новый путь – и вел он явно не в мясные ряды, а куда-то, видимо, туда, где есть кровать и где сразу появится господин королевский маг... А драться с магом такая себе затея, не самая мудрая, потому как и лес мой далече, даже чашу не призвать, и как

ведьма я магу не соперник.

Короче мне туда, на путь, в опочивальню направлятельный, точно не надо было.

Остановилась, не дойдя двух шагов до смены пути, затем медленно повернулась и впервые прямо посмотрела на мага.

Маг был... такой маг типичный. Высокий мужчина с черными, зализанными назад волосами, черными, подведенными черной сурьмой глазами, от чего взгляд казался пронизывающим, насмешливо приподнятой соболиной бровью и таким поганым выражением на морде, которое явно не сулило мне ничего хорошего... А еще маг стопроцентно ждал, что я сейчас сойду на тот самый магический путь, который завершится в его спальне. И вот ведь что досадно – сказать ему прямо, что он козел блудливый, я не могу, местные девушки не бывают столь прямолинейны, вступить на путь не могу тоже, я-то с него сойду, но и тем самым выдам себя с головой – с магического пути только ведьма сойти и может, но маг это обязательно почует и явится тотчас же, а в прямом бою он меня в два счета уделает.

– Что же ты остановилась, милая? – явно подначил маг. – Иди уже куда шла, раз не мил я тебе.

В своей силе маг был определенно уверен, все окружающие были точно уверены в том, что я теперь попаду к магу в постель, и мое мнение по данному поводу мага вообще не волнует, от того сочувствовал мне люд честной да помочь ничем не мог. А бабка Урра так вообще смотрела на меня

с сожалением... Золотая монета так и блестела на ее юбке, не взяла бабушка денег маговских.

А денег у мага, судя по всему, было много...

И я улыбнулась.

Нет, обычно я, как и подобает девице, скромна, почти-тельна и вообще селянку завсегда изображаю прилежно, но хорошего понемногу. Хочешь поразвлечься, охальник королевский? Сейчас развлечемся. Причем исключительно за твой счет.

– Так за что вы там собирались заплатить? – поинтересовалась я, с вызовом приблизившись к магу и неласково сунув ему в руки корзинку.

Он мужик? Мужик. Вот и пусть таскает, а то мы туточки девушки хрупкие, нам не положено.

– Э-э-э... – Маг несколько раз моргнул недоуменно, но тут же собрался и лукаво гарантировал: – За все, милая.

Ну... он сам это сказал, за язык я его не тянула.

* * *

Спустя час мы уже смотрелись парой, как минимум прожившей лет двадцать в браке, и это был определенно не самый счастливый брак.

– Весенька, поверь мне как специалисту, это хорошее мясо, – шипел маг, указывая мне на идеальную говяжью вырезку.

– Мм-м, даже не знаю, Заратаренька, – капризно надула губки я. – Я-то тебе верю и в тебе ни капельки не сомневаюсь, а вот по поводу мяса есть у меня сомнения. А сомнения, они, знаешь ли, разъедают душу, и настроение, опять же, портится.

Заратарна эль Тарга от моего обращения перекошило в очередной раз, но мужик к настоящему моменту смирился уже даже с этим. Вообще любой бы смирился, если бы пришлось таскать огромную корзину, в которой скромно тулилась моя нехилая корзинка, со всякой снедью хрупкою, а уже в большой корзине имелись копченый свиной окорок, копченый говяжий окорок, копченый карп тоже приличного размера. И да – все это ни в коем случае нельзя было поднимать магией, а иначе: «Ты что, миленький, магия продуктам вредит, излучения же в ней всякие, потом продукты эти хоть бери да выбрасывай!» Так что Заратарн нес все сам, явственно скрипя зубами, и хоть мужиком он был не слабым, а все же пот на лице проступил да и от тела уже пахло.

– Весенька, это хорошая вырезка! – начал срываться маг.

Надо же, наконец-то! Я уж переживать стала, что не доведу его до срыва нервного. Но дело это стало делом чести, опять же честной народ за меня переживал, а у бабушки Урры сердце слабое, так что не могла я в грязь лицом ударить, никак не могла. А вот мага по уши макнуть следовало.

– Да, но там жилочка. – И снова губки надула капризенько.

У мага задергался глаз.

– Заратаренька, не злись же ты так, а то морщинки будут, а ты маг, тебе лицо надобно хранить. – И я покровительственно похлопала его по щеке, надавав лещей попутно, чтоб жизнь сказкой не казалась. – Сейчас вот вырезку справную выберем, потом в тканевый ряд, а там и за бусиками зайдем, да? Я, правда, еще не решила, какие хочу...

И это стало последней каплей.

Разъяренный маг сорвал с пояса кошель с золотом, сунул мне в руки, махнул ближайшему вознице, загрузил в подвешавшую телегу мою и не мою корзины, сказал что-то извозчику, а затем, развернувшись ко мне, ухватил за подбородок и совершил то, за что его вообще казнить должны были бы на столичной площади.

– К закату придешь в мою спальню, Весенька! – И глаза его вспыхнули синим пламенем, закрепляя приказ магией.

Любая девушка на моем месте сама не заметила бы, как на закате ноги принесли бы ее в постель мага... и от осознания этого я оторопела.

– А вот потом будут тебе и бусики, и издевательства над королевскими магами, – уже без магии добавил Заратарн.

И ушел, оставляя площадь и меня в потрясенном молчании.

И если я была потрясена тем, что маг в открытую, не стесняясь и вообще не чураясь, магию влияния спокойно

использует, и народ был потрясен примерно тем же, то стоящий в постромах бык потрясен был совсем иным – в спальню мага на закате предстояло отправиться именно ему, да. И учитывая обстоятельства, один королевский маг решит, что просто слегка перенервничал, от чего преломил вектор направления магии, пребывая в ярости, а одна скрывающаяся ведьма коварно промолчит о том, что преломление было уже ее рук делом...

Но магия влияния! Посреди бела дня! На глазах у людей!! Что происходит-то вообще?!

«Деточка, – раздался вдруг тихий голос за моей спиной, – кошель заговоренный».

Я обернулась. Вдали, у самых ворот, в деревеньку ведущих, стояла теща барона Коварда. Та самая, которая ведьма, да такая, что ей в отличие от меня накладной нос не нужен был. И та, кто обо мне знала, как и все, кто стоит на сумеречной стороне али на границе ее.

– Ведьма!

– Ведьма! Детей прячьте!

– Товар от сглаза прикройте! – раздался крики сельчан.

А я как замороженная пошла к ведьме напрямик, словно под магическим приказом находилась. А подойдя, словно марионетка какая, с поклоном отдала ей кошель. И услышала лишь для меня сказанное:

– Сильная магия, сама не справлюсь. Придется в храм подбросить.

Поклонилась еще ниже, потому что была благодарна искренне.

А потом вместе с возницей, который за мной ехал – ему заплачено было, – покинула деревеньку.

* * *

На опушке леса возница удивленно моргнул, увидев ожидающего нас здоровенного дядьку в льняной рубаше.

– Батюшка! – радостно поприветствовала я лешего.

Тот было чуть не оскалился, да вовремя вспомнил, что чары на нем, кивнул, подошел к вознице косолапо, забрал корзину с продуктами, и сказала я, ибо у лешего голос до костей пробирающий:

– Долго ты, доченька.

Я же и ответила:

– Спасибо что встретили, батюшка.

Артефакт, меняющий голос, штука замечательная.

Когда возница с быком, коему еще свидание с магом сегодня предстояло любовное, скрылся за поворотом, леший головой тряхнул, сбрасывая словно лоскуты дыма мое заклятие, укоризненно глянул и произнес своим жутким для людей, да привычным для меня голосом:

– Долго ты сегодня. И запах на тебе. И магия.

От его тона гневного белки с ближайшей сосны прыснули в разные стороны, сойка траекторию пути полета сменила да

два грибовика быстро шурхнули под пень. Страшный у меня леший, очень страшный... особенно когда не в духе.

– Да и ты не скоро обернулся, лешенька. Случилось чего?

– Случилось, только не могу понять что именно. – Леший мрачно поглядел на меня из-под кустистых бровей. – Нечисть к нам валом валит. Чаща, как и сказано ей было, всех на границе задержала, на сей раз к ней претензий нет.

О, что-то новенькое.

– А я, Веся, всех пропустил, – добавил леший несколько растерянно.

А это вообще совсем новенькое что-то.

– Всех? – переспросила я, а на душе прямо кошки за-скреблись, раня тревогою пробудившейся.

– Всех, Веся, всех, – подтвердил друг верный. – Кикимор теперь у нас прибавилось, лесовиков с три дюжины, уххры, ауки даже. От чего бегут – не ведают, но чувуют, что нечисто дело. И я то чувую тоже.

– И я, – скрывать не стала.

Нечисть к нам уже некоторое время все прибывала и прибывала. Поначалу в том я ничего дурного не заметила, объяснимо все было – я, ведунья леса Заповедного, в силу вошла, лес восстанавливаю, магия под кроны дубов вековых возвращается да в стволах елей, облака вершинами пронзающих, скапливается, вот и тянутся в места волшебные все, в ком есть магия земли-матушки.

Леший тоже так явился. Пришел в одну ночь ненастную.

Злой, израненный, со спиной, стрелами утыканной, с телом, магическими мечами искромсанным, с ипостасью всего одной, древоподобной, других у него не осталось – погибли. Поначалу леший к себе не подпускал и говорить не мог, и вообще все пытался издохнуть в норе под дубом, но потихоньку, помаленьку выходила я его. Теперь вот даже говорить стал. А умирать времени-то больше не было, он – леший опытный, я ведунья вообще никакая, нужен он мне был, вот и решил жить, чтобы одну меня в беде не бросать.

– Лешенька, а нам места-то для всех хватит?

Это вот было самой большой бедой моей – математика. Надо ж было как-то рассчитывать квадратные сажени на недущу нечисти и вообще посмотреть, какие там нормы, все никак соберусь подсчетами заняться.

– Хватит, Вся, хватит, – сказал соратник верный да и направился к избушке моей. – Лес наш долго пустым стоял, почитай на день сегодняшний заселено от силы две четверти всей площади. А вот чего не хватить может, так это пропитания. Ты от того столько снеди всяческой закупила?

И вроде рассуждения, совет даже в монологе этом, да только под конец вопрос коварный задал друг мой.

А мне врать ему не хочется, оттого тему перевела скоренько:

– В Веснянках королевский маг, – ответила, поспевая за широким шагом лешего. – Девочек портит, ведет себя недопустимо, закон нарушает в открытую.

– Плохо, – подытожил леший. – А ведьмы что?

– Уже на месте, – тяжело было угнаться за ним, хоть и ходил косолапо, ноги так до конца и не восстановились. – Ульгерда в городе, не скрываясь. За ней должна подоспеть Славастена. Думаю, Изяслава на подлете. Разберутся, наверное, они ведьмы опытные.

А главное, защитники у них при власти, так что управу на Заратарна эль Тарга точно найдут. И не сомневалась же тогда, ни единой капельки сомнения не было да даже толики. Места у нас заповедные, а после падения Ясеневого леса так и вовсе чуть ли не последний оплот нечисти, так что за нас ведьмы постоят всей горой, обязаны постоять, Изяслава так и вовсе королевская ведьма, она свое слово завсегда скажет. А мне-то что, я лесная ведунья, мое дело маленькое – лес беречь, нечисть привечать да учиться дальше, а вот с этим вот тяжело мне, хоть вой.

Я и взвыла.

– К дубу Ученому? – правильно понял леший.

Кивнула. Взмахнув клюкой, открыла заповедную тропу, и пошли мы за новой порцией учебников, чтоб их! Вот раньше времена были – если позвал тебя лес, то все – сразу ты госпожа лесная ведунья, и идите все в далекое пешее. А теперь как – лес позвал, учись, голубушка, потому что коли назвался груздем, не вопи, что ты поганка, к обучению не склонная, вот совсем никак!

У дуба Знаний нас, как и полагается, встретил кот. А кот с лешим друг друга невзлюбили как-то, от того леший этот дуб зовет «Дуб Ученый», а собственно кота:

– Хворать тебе да почаще, кот дубовый.

Ученый кот зашипел и в долгу не остался:

– И тебе подыхать долго, леший приبلудный.

– Леший не приبلудный! – вступилась я за лешего. –

А кот – ученый, а не дубовый! – вступилась и за кота.

Да толку с этого.

– И как призрачные блохи, не донимают? – язвительно вопрошил леший, игнорируя меня.

Началось...

– А ты как, поганками не оброс? Не переживай, впереди еще все! – вставил кот, раздраженно выгибаясь спиной.

Молча прошла к дубу, постучала трижды да и получила ларец с книгами.

Открыла, просмотрела присланное – три книги по охранительной магии, одна по магии запирающей, по шрамам магическим было четыре трактата, каждый чуть не в половину меня весом – как прочитаю-то? По подчиняющим артефактам – одна методичка. По иллюзиям тоже всего одна книга, зато с вопросами к экзамену сразу, и сдавать придется через месяц дубу Знаний лично сначала зачет, а уже потом Силе

Лесной на экзамене ответственность. Ох и жизнь у меня, ох и жизньюшка...

А тут в довершение всего завыл ветер жуткий, потемнело небо, грянул гром, образовался в кронах деревьев суровый мужской профиль с носом орлиным, и Сила Лесная возьми да и спроси замогильным голосом:

– Кого в дом свой привела, ведунья?

Это вот уже «ой».

– М-м-мужика, – ответила, чуть список не обронив, с которым сверяла все присланные книги.

От слов моих оторопела Сила Лесная, удивился кот Ученый, а вот леший нахмурился да посмотрел неодобрительно. Леший-то, видать, уже знал все, ну оно неудивительно, мы с ним в лесу Заповедном равной силой обладаем, но леший мой был суров, однако же тактичен, понял, что рассказывать не хочу, и не стал в расспросах упорствовать. А Силушка Лесная хоть и тоже мужик, церемониться не будет, он вообще только карать-то и может, если уж честно.

А меня карать – то еще удовольствие, должна признать. Кто ко мне меня карать придет, тот сам в своей смерти безвременной и виновен, ибо нечего лезть куды не просят!

– И что? – перешла я в наступление. – Мне, может, в доме мужик нужен давно!

И тихо так стало вокруг.

– Небось о размножении задумалась? – язвительно поинтересовался кот.

– Может, и задумалась! – решила стоять на своем. – У нас, между прочим, явственный недобор лесных ведуний, и я, может, хочу поголовье увеличить. Имею право!

Кот чуть с дерева не свалился. У лешего показательно отвисла челюсть. Она бы, может, и не отвисла, но не восстановился он еще, от того иногда сбои и бывали.

Да только леший мне все потом выскажет, он у меня сдержанный, а вот Лесная Сила – вообще нет. И единым порывом ветра метнулась ко мне мощь лесов магических, зависла надо мной, очами зелеными горящими вглядываясь, и спросила... в смысле спросил сурово:

– А может, ты ведьма?!

– Да ни в жизнь! – отчаянно солгала я.

Лесная Сила отступила, подобравшись, будто кошка перед прыжком, собиралась было еще что-то спросить, да только леший с котом враждовать мигом прекратили, кот сиганул с дуба, обретая материальное воплощение в три раза больше обычного, и корзинку мою ухватил споро, леший – ларец с книгами, я пробормотала «Ой, дел столько, столько дел» и пошли мы скоренько от греха подальше.

Потому что и кот, и леший точно знали – ведьма я. Ведьма как есть. А кто еще иной тень несправедливости углядит? Да никто. Оттого и не признаешься Силе Лесной в истинных причинах содеянного, да и властитель лесов Заповедных в принципе только две причины признать может – размножительную и удобрятельную. И та и другая судьба охра-

нябушки меня лично не прельщала вообще никак. Так что разговор прекратить – самым правильным было.

Да только Повелитель Лесов на мою беду беседу продолжить решил.

– Твоя правда – поголовье лесных ведуний сокращается стремительно.

От те раз!

– Однако ж человек? – продолжил дух лесной задумчиво, словно сам с собой разговаривал. – Человек – это проблематично. Может, лешего тебе хорошего прислать, Веся? Не калеченного, как этот, что для размножения не пригоден, а нормального?

Чуть не прокляла. Вот Силушку Лесную, оплот силы моей да лесного могущества, и чуть не прокляла.

Остановилась, вдох глубокий сделала, развернулась к морде мужской огромной да и высказала:

– Леший – мой! Был мой, есть мой, мой и останется, другого не надоть мне! А мужика для начала подлечить надобно, на издыхании последнем он...

– Так давай закопаем, на удобрения пойдет! – оживилась мгновенно Лесная Силушка.

Пенек гнилой поганковый!

Но нашлась как выкрутиться:

– Коли сразу закопаю, на ком тогда искусство целительское оттачивать буду? Животных жаль, нечисть – тем более.

– Тут ты права, для экспериментов всяческих завсегда

человеков лучше использовать, их-то не жалко, – согласился дух.

Кивнула, поддакивая.

– Что ж, загляну еще, самому интересно стало, чем дело кончится, – решила Сила Лесная.

И испарилась – вот он был, а вот его и нет.

А я к лешеньке повернулась, стоял тот уверенно, да взгляд отводил, на меня смотреть не хотел, гордый потому что, и жалость для него, как ножом по сердцу. Вот и не стала я говорить ничего, подошла только, за локоть его ухватилась, и пошли мы к избе, каждый о своем думая.

Но пока мы с лешенькой размышляли молча, кот Ученый решил вслух мысли высказать:

– Ну, раз мужиком назвала... – начал наставничек мой, – придется ребеночка-то заделать. А может, и не одного, девочки-то не с первого раза получаются, у некоторых поначалу семь сыновей бывают... Так что ты приглядишься к рабу-то своему, забесплатно купленному, протянет ли он семь лет-то али лучше другого кого подобрать?

– Ага, аки котяру приبلудного, – мрачно вставил леший, разом заткнув пасть коту Ученому.

И кот умолк, споткнувшись и чуть корзинку мою не обронив.

– Не буду я с ним размножаться! Страшный он да и опасный не в меру, – высказалась я. – Помогу, чем смогу, и пусть идет на все четыре стороны.

Леший только вздохнул тяжело.

Знала я, о чем он вздыхает. Между ведьмами и лесными ведуньями только на первый взгляд разница небольшая: и те и те о благе леса да нечисти заботятся, и тем и тем силы магические свойственны, да только... лесные ведуньи другие все ж, иначе думают. Лесная ведунья мимо пройдет, коли увидит, как волк косулю настигает, оттого что понимает – и ему питаться нужно. Лесная ведунья в лес чужого человека ради сохранения жизни людской не пустит – ибо люди это одно, а ее дело лес защищать. Лесным ведуньям в принципе окромя леса ни до чего дела нет, другие они, иначе думают, по-другому мир видят. А мы, ведьмы, к человеческому миру крепко привязаны. Мы мимо горя и беды не пройдем, и коли тень несправедливости увидим – вмешаемся. От того Лесная Сила нас и не привечает, врагов в нас видит, да только... у меня тогда выбора не было, и лес позвал, вот и маемся.

– Нравится, не нравится, – наставительно продолжил кот, – да только ты Лесной Силе в глаза врала, а ложь всегда расплаты требует. Ты ж пойми, не выпустит его теперь лес, покуда...

И договаривать кот не стал.

А я говорить не стала, что если захочу – выпустит, никуда не денется. Правда, неясно, чем мне все это потом аукнется. И знала ведь – принесет этот мужик беды одни, но я же ведьма, я же не могу мимо пройти... теперь расхлебывать придется... как-нибудь.

На подходе к избушке накинула на себя иллюзию да и встала чуть позади лешего – ибо... ну плохо у меня с иллюзиями.

Но зато вовремя наложила – охраняб мой ждал меня у калитки... которую сам и сделал. Сидел на им же сколоченной скамье, усталый, вспотевший, злой аки медведь-шатун ранней весной и явно не меня ожидающий.

– Здравствуй, охранябушка, – ласково прокаркала я, изменив голос.

– Здравствуй, ведьма, – мрачно ответил он, вглядываясь в тропинку и поджидая явно не меня.

Ну в смысле меня, но ту, которую он девкой селянской считал, а не вот эту вот старуху с носом в аршин.

– Гляжу, потрудился славно, – протискиваясь бочком в открытую лешим калитку, заметила я.

– Дело раба о госпоже заботиться, – язвительно усмехнулся мужик.

Надо же, гордый какой. То есть раз вылечила меня, то я тебя ручным трудом отблагодарю, а в долгу не останусь, ведьма.

– Не тем отработываешь, – широко оскалившись, сообщил кот Ученый, вручая корзину оторопевшему от намека мужику и по своей поганой привычке истаивая прямо в воз-

духе.

Охраняб корзинку удержал, хоть немалого веса была она, я уж хотела попросить лешеньку подсобить, но сдюжил мужик. С трудом, а все же понес к дому, идя следом за мной и лешим.

В сам дом ему леший зайти не дал, корзинку забрал на пороге, а войдя, дверь за собой закрыл. Благодарна я ему за это была смерть как – моя иллюзия уже неведомо на чем держалась. Вообще странное дело – уплывала магия, как вода сквозь пальцы утекала, с чего бы?

– С тобой остаться? – прямо спросил леший, едва я кинулась надевать маску, плащ да нос с перчатками.

– Нет, не переживай, – заверила друга лесного.

– Медведя пришло, – предложил он.

– А кормить чем? Весь мед вчера отдала. – Я развела когтистыми руками.

– И то верно, пришло волка, – решил леший.

И махнув на прощание, ушел, растворяясь в лесу, едва личики коснулись его шишковатого тела.

А мы остались. Я, охраняб, насущная потребность чем-то мужика кормить и книги.

Ох и жизнь я себе устроила, вот чем только думала, а?

* * *

За годы жизни в одиночестве я привыкла есть... иначе.

Там пирожков купишь, там в деревеньке перекусишь, а дома ягоды, чай, бутерброды, творог со сметаной – и что девушке еще надо? Мне хватало. И было же все хорошо, так нет же – мужика завела себе!

Теперь корми.

– Охранябушка, – прокаркала противным голосом, – ты готовить умеешь?

За дверью и так было тихо, теперь тишина стала вообще мертвая.

То есть – нет.

– Ну, не сердчай тогда, – пожала я плечами, пытаюсь вспомнить, как в принципе суп-то варить.

Ибо в моем представлении мужик ел примерно столько же, сколько весил. Таким образом, покупок моих, щедро магом королевским оплаченных, дня на три хватит всего, а следующая ярмарка только через неделю. Проблемка-то, вот. И ее надо было как-то решать. Решила начать с приготовления супа – в нем воды много, значит мяso растянуть можно было дня на три, а там уже и до копченостей доберемся. В общем, неделю протянем как-нибудь.

– Охранябушка, воды принеси, да побольше, – крикнула мужику.

– Побольше это сколько? – раздался ироничный вопрос.

– Ну... – я попыталась на пальцах прикинуть, но так как с расчетами у меня не очень, пришлось взвалить это дело на мужика, – примерно столько, чтобы тебя можно было

в котел погрузить, и воды еще на ладонь сверху должно быть.

Тишина в сениях, затем вопрос несколько недоуменный:

– Ведьма, ты меня что, варить собралась?

Даже обидно стало!

Я, между прочим, его перед самой Лесной Силой защищала, живота не жалея, а он... он...

– Человечиной не питаюсь! – гордо ответила этому, чтоб его дубиной стоеросовой пришибло.

– Точно? – скептически переспросил.

Подошла к двери – открыла дверь, пожалела шею. Ибо стоял охранябушка прямо за створкою, пришлось голову закидывать, а на ней теперь шляпа была и маска, а они тяжелые.

– Отойди! – потребовала грозно.

Отошел на шаг.

Я шляпу поправила, парик поправила, маску поправила и...

– Еще на шаг, – попросила тихонечко.

Отошел. Демонстративно всего на шаг.

Опять шляпу поправила, парик поправила, маску поправила.

А шея болеть не перестала.

– Так, Древун любит троицу, давай еще на шаг, – решила я.

Отошел.

Я снова шляпу поправила, парик, маску, шею размяла.

И вроде ничего уже, не болела больше.

И вот опосля этого вид сделала гордый, взгляд надменный, голос грозный и выдала:

– Давай-ка, раб мой неверный... – начала я.

– Раб твой охраняющий, – поправил мужик, пристально и как-то даже изучающе разглядывая меня.

И мне под его взглядом странным как-то так неуютно стало.

– Ты вообще-то лежать еще должен как бы, болезный, – заметила осторожно.

– А я типа пес, как на собаке все заживает, – несколько с вызовом ответил охраняб.

– Самокритичненько, – не сдержалась я.

Мужик в ответ опасно глаза прищурил.

И вот она странность – лес мой, изба моя, сила на моей стороне, волк от лешего скоро прибежать должен, а неуютно мне под взглядом мужика этого завалящего, который хоть и стоит, даже руки на груди тощей сложил, но слабый ведь еще... Так от чего ж я опасность-то ощущаю? И желание такое – в избу отступить и дверь запереть?

– Слушай, а ты точно ведьма? – вдруг спросил мужик этот.

– Нет, я не ведьма. Я эта – ведунья лесная. – Да у самой от чего-то сердце екнуло. – А чего спрашиваем?

– Да так... странностей многовато, – ответил мой раб задумчиво.

– Ты просто, видать, раньше с лесными ведуньями-то

не знался, — предположила остороженько.

— Твоя правда, — согласился мужик. — Так, значит, не меня варить будем?

Нет, ну до чего... сволочь-то!

— А ты себя есть будешь? — поинтересовалась вкрадчиво.

— Вряд ли, — улыбнулся по-доброму как-то раб мой.

И от улыбки этой сердце вдруг замерло. А потом забилось быстро-быстро так, и на душе потеплело, сама не ведаю отчего.

— Ступай за ведром, охранябушка, — сказала тихо, — я мясо на рынке купила, его и сварим.

И отступив, дверь закрыла да спиною к ней прижалась, успокаиваясь. День что вчера, что сегодня выдался один другого насыщеннее, уж столько событий, что немудрено и перенервничать. Да только по-настоящему взволновала сердце улыбка эта. Я в своем лесу человеческого тепла не видела, другой здесь мир, иные и обитатели. И мужик этот, жизнью искалеченный, несправедливостью изможденный, он был как все вокруг — как зверь лесной, что пришел для излечения. В сених-то у меня и волки и медведи и даже рыси порой отлеживались, вот и к охранябу своему я отнеслась так же — болезный же, вылечить надобно. А он возьми да и улыбнись. По-человечески так. Словно солнышко проглянуло сквозь сумрак вечерний, последним лучом вызолотив все вокруг...

— Ведьма, тут два ведра. Одно серебряное, — раздался го-

лос мужика за дверь. — Ты что, серебра не боишься?

— Я ж не упырь, не волкодлак и не нежить, — ответила мрачно, разом утратив и тепло в душе, и быстроту биения сердца.

— Ага, то есть ты ведьма, — заключил этот... шибко умный.

Я развернулась и двери распахнула разъяренно.

На сей раз просить мужика отступить на три шага не пришлось — он уже там стоял, невозмутимо ведра разглядывая. И взгляда от ведер не отрывая, пояснил спокойственно:

— С ведуньями лесными не знаком, тут твоя правда. Да только давай уж откровенно — вряд ли лесная ведунья знакома с методами убийства упырей, вампиров и волкодлаков.

И взгляд на меня поднял. Вопросительно-насмешливый такой.

Ах ты гад!

— Ладно, подловил, ведьма я, — отрицать не стала. — И тут дело такое, охранябушка мой распрекрасный, о коем тебе знать надобно — у ведуний-то потребностей в мужском внимании нет, а вот у ведьм... хе-хе...

Побледнел болезный мой, но за водой утопал с достоинством, зато усмехаться надменно перестал — и то хлеб.

А я в избу вернулась, самую страшную маску из всех натянула, а нос взяла поменьше — мой самый длинный обзор мешал слегка, перчатки надела с когтями поменьше, плащ почище, все ж готовить собиралась, да и пошла кухарничать, делать нечего.

Поначалу я мужика за водой не туда послала – в смысле я вообще никуда не посылала, он сам ушел, а как пришел, тут-то до меня и дошло, что не туда ходил. Он через лес, к ручью смотался, это шагов за триста пути. А мне водяной еще год назад родник во двор провел, теперь бочка с водой завсегда полная, и вода ключевая, студеная, вкусная. Но вот то, что студеная... не радовало. Ибо пойдй умойся студеной водицей-то, спозаранку... то еще удовольствие.

– Охранябушка, любый мой, пригожий, – ласково сказала я, уж так ласково, что мужика передернуло, – напрасно труд на себя взял такой, ходить неведомо куда...

– К ручью, – не согласился с терминологией мужик.

– Хорошо, пусть будет «ведомо куда». Только смысл от того не меняется. Зачем ходил-то? Тут же вода в бочке есть, – перестала издевательски любезничать я.

– Так это же бочка, сколько лет этой воде уже?

Вот же ж.

– Она родниковая. Мне водяной родник приспособил, – сообщила мрачно.

– Ясно, – спокойно ответил охраняб.

Пошел да и вылил воду. А я запоздало о словах своих пожалела – котел-то у меня был, только я в нем зелья последний раз с год назад варила, а то и с два, и мыть его надобно

было сейчас, а теплую воду с ручья раб мой нерадивый гордо вылил. И вот что мне стоило промолчать?

В общем, котел для зелий пришлось мыть магией. Я попыталась руками, но слишком холодная вода была, в перчатках хлюпать начало вообще мерзко, пришлось магией. Охраняб скептически наблюдал за моими манипуляциями... но не вмешивался.

Котел я в итоге кое-как вымыла, водой ополоснула, охраняб воды в него залил, совместными усилиями – я магией, он руками, взгромоздили над костром, всунув в таган, я в печи готовить не рискнула, я ее года два уже не чистила и в ней домовый приبلудный спал, тихарясь от Силы Лесной.

Потом долго ждали, пока вода закипит.

Я так вообще не дождалась, сбегала в дом, бутербродов наделала, на тарелке вынесла, на ходу уже вспомнила, что перчатки, снятые на время нарезания хлеба да ветчины, обратно не надела, и пришлось сначала кричать:

– Охранябушка, а смотри, что это там?

А потом, пока он смотрел в лес, тарелку на скамью быстро поставить и бежать за перчатками. Надо бы еще пару сделать, а то надевать мокрые неприятно, а с большими когтями неудобно.

К тому моменту как вернулась, охраняб уже все бутерброды умял и теперь сидел на скамье, скептически глядя на меня и заодно сообщив:

– Там, в смысле в лесу, ничего не было.

– Да и тут уже ничего не осталось, – вздохнула я.

Подхватила тарелку и ушла в дом, новые бутерброды строгать – ну и аппетиты у некоторых, эдак я его точно не прокормлю.

Когда вернулась, меня ждали две вещи – закипевшая вода и вопросительный взгляд все еще голодного мужика. Молча отдала ему всю тарелку и угрюмо посмотрела на воду. В жизни супов не варила да никогда не думала, что это станет проблемой.

– По идее начинать нужно с мяса, – выдал умную мысль мужик, уминая очередной бутерброд.

Из ветвей растущей во дворе березки вылезла морда кота Ученого, и он с таким же умным видом заявил:

– Точно с мяса.

Леший умных советов не давал – просто принес мне кулинарную книгу, видать в Веснянки за ней сходил, да отослал примчавшегося было волка, значит, сам рядом будет.

– Вот сердечное тебе спасибо! – искренне поблагодарила я.

Леший, молча кивнув, растворился.

А кот-ехидна остался. На ветке растянулся и промурлыкал:

– Ну давай, осваивай, что ли, кулинар-р-рную м-м-магию. Это он мне так намекнул на то, что у меня там еще учебники неоткрытые остались и надо бы за учебу браться, а не супы варить. Но, если честно, между супом и учебниками я бы

выбрала... учебники. Читать-то я по крайней мере умею.

– Слушай, ведьма, я уже поел, – решил вдруг сжалиться надо мной охраняб.

– Точно? – с надеждой спросила я.

Мужик уверенно кивнул, доедая последний кусок последнего бутерброда. Я вздохнула, не скрывая облегчения, кот уржался так, что свалился с ветки на землю и исчез уже оттуда.

– Ну, раз поел, моешь посуду! – гордо решила похозяйничать.

Мужик выразительно посмотрел на единственную все-таки чистую практически тарелку и на идеально чистый котел с кипящей водой. Потом с усмешкой на меня, мол, мыть-то нечего.

– М-да, проблема, – была вынуждена согласиться я.

– Может, компот сварим? – даже не знаю почему предложила я.

Тяжело вздохнув, охраняб ушел в дом. Вернулся с мясом. В общем, если он и был согласен на компот, то только компот из мяса.

– У тебя хотя бы соль есть? – поинтересовался мужик, разделявая мясо на пне неизвестно где обнаружившимся топором.

У меня, кажется, вообще топора не было, где он его взял?

– Какая-то ты странная ведьма, – разрубая говядину на куски, вскользь заметил охраняб.

– Что значит странная? Я старая женщина, давно живу одна, разучилась готовить! – возмущенно заявила я и ушла в избушку.

Тоже мне, нашелся тут мужик без странностей. Сам вон ходит и отпускает саркастические замечания, хотя должен был бы лежать в беспамятстве, а странная тут почему-то я.

* * *

В избушке напустила туману, зажгла свечи, сняла плащ, маску, нос и перчатки, накинула на себя иллюзию – знаю, что они у меня не очень, но в тумане кто разглядит. Чаю мятного успокоительного заварила, творога себе набрала со сметаной, ветчины для бутербродов не осталось – мужик все съел, – и засела за учебник по иллюзиям.

Два раза заходил охраняб.

Первый раз искал соль. Не нашел, забрал полупустую солонку со стола. Второй раз искал перец или специи «хоть какие есть». Высунувшийся из печки, сонный домовый указал ему на неприметный шкафчик у окошка, прикрытый занавеской. Надо же, занавески стирала в прошлом месяце, а шкафчика так и не видела раньше. В шкафу обнаружилась соль, труха из перца и что-то еще, от чего читающая я расчихалась, пришлось открывать окно и проветривать.

– Ведьма, не хочу показаться неучтивым, но у тебя глаз сполз на подбородок, – выходя из избы моей, сообщил охра-

няб, – левый.

Кинулась к зеркалу и обнаружила, что мужик у меня очень даже тактичный – про правый глаз, сползший на щеку, даже говорить не стал. Долго восстанавливала иллюзию, частично вообще по учебнику. А и ничего бы не сползло, если бы тут некоторые не шлялись!

Злая, я выглянула в окно на «шляющихся» да и замерла...

Мужик мой котел крышкой накрыл и оставил компот мясной, видать, настаиваться, а сам сейчас стоял у бочки, сняв рубашку, и обливался водой из ведра. Полуобнаженный, мокрый, смуглый, со жгутами мышц, которых под рубашкой было не видать, зато сейчас хоть бери пересчитывай, худощавый, но жилистый. И я бы, может, начала бы считать, так, из любопытства, да только тут охраняб мой спиной к избе повернулся – и меня как молнией поразило!

На его спине было клеймо!

Чудовищное клеймо с жуткой, страшной, прожегшей кожу до мяса меткой!

И следовало бы в ужас прийти от вида самого клейма, да оторопела я от осознания страшного – клеймо ставили наживую!

Наживую!

Клеймили человека, который был в сознании и сопротивлялся, видать, до последнего, потому что края метки ровными не были, глубина прожига оказалась неравномерной... Да где же такое видано? Разве ж можно вот так вот, живого

человека-то?! Да и я хороша – не посмотрела, не проверила, уложила его на спину, на самое место-то болючее и еще не везде затянувшееся коркой живительной.

И это вот тоже странно – клеймо такое заживляют тотчас же. Ибо чревато смертью клейменного от шока болевого. А тут... никто ничего не залечил.

А потом я увидела и другое – всю спину широкую покрывали черные молнии проклятия. И я такое только в книгах видела, когда пыль в библиотеке наставницы с томов древних смахивала. Иначе, может, приняла бы то за татуировку какую, но нет – татуировки так не делают, это было проклятием. Да не простым, а лишаящим сил, концентрации, внимательности... разрушающим проклятием. Человек простой с таким узором на спине не прожил бы и суток, а вот маг...

Мой охранябушка оказался магом.

Запечатанным магом. Тем, кто подвергся самой страшной каре, которой только мог подвергнуться магически одаренный. Да как же это? Даже если представить себе, что маг он действительно, что не ошиблась я и печать проклятия определила верно, то как и каким образом этот маг заклеяменный не в тюремной камере оказался, а в обозе Саврана-купца?

А может, ошиблась я? Все же столько времени прошло, а я тут в лесу своем Заповедном все с романами книжными да делами рутинными, вот и поглупела слегка, вот дурное и чудится там, где его нет?

Но проверить следовало.

И давно я к заклинаниям магическим не прибегала, а вот сейчас использовала.

– *Prisma magnificatio*...

И перед взором засияла увеличительная призма, только вот сфокусировалась почему-то не то чтобы на спине, а... в самом ее низу.

– Права была Леся, мужика тебе надобно, – сообщил высунувшийся из печи Тихон.

– С вектором преломления ошиблась, – прошипела я, чувствуя, как краснею.

– Хм, – издал мой приبلудный домовой, которому в лесу было вообще не место. – Так, а зачем магию использовала? Не проще ли было бы взором соколиным воспользоваться?

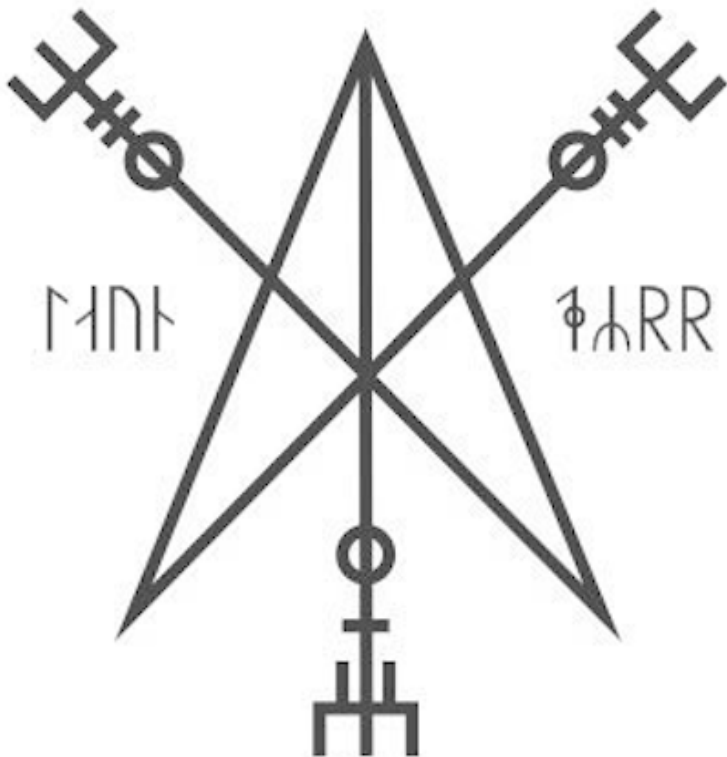
Нет, не проще. Взором соколиным да даже и орлиным я не увидела бы того, что могла увидеть как ведьма.

– Тихон, иди, отдохни там, подремли, – попросила напряженно, с трудом заклинание удерживая.

Давно, ой и давно я магией не пользовалась, от того и призму обычную ворочать было столь же тяжело, как и валуны прибрежные. Аж в жар бросило... а потом в холод.

Это было не простое клеймо! И даже не клеймо, магию лишь запечатывающее. Это был знак Аравена! Дверь – как его называли маги. Это когда мага не просто запечатывали, а силу его полностью отбирали. Самый кошмарный сон для любого мага, мне о том еще Тиромир сказывал, в те вре-

мена, когда... я ему верила. Что ж, сейчас я могла бы даже благодарность ему высказать, ведь теперь я точно знала, что вижу. Клеймили знаком Аравена. Четыре пары рун по всем сторонам света были слишком примечательны, такое раз увидишь, уже не забудешь. Три линии, сходящиеся в центре острой фигуры, на концах имели направляющие углы, да стерегли их от переизбытка магии ворота статичные, и зигзаг ворот поддающихся корректировке. Но самый главный элемент был неправильным. Там должен был быть ромб. Знак Аравена невозможно поставить без присутствия четырех архимагов. Просто невозможно. Но этот поставили. И четырехугольник казался треугольником, потому как точка преломления находилась в центре. В ней сходились линии магов, в ней был центр фигуры, а значит, четвертый архимаг был... Неужто стоял во время ритуала прямо рядом с алтарем, от того печать столь неправильная?

Призму уничтожила движением руки да замерла, на охранябушку глядя в ужасе. Не может такого быть! Не могло такого быть просто-напросто. Не мог бы он выжить опосля такого! Не мог... но вот стоит живой, водой ключевой обливается.

Так кто же ты такой, мужик, над которым клубится тень дикой несправедливости?

Он обернулся, словно услышал мой вопрос. Синие глаза полоснули по засмотревшейся на бывшего мага ведьме, заставляя понять то, что понять бы следовало раньше – он и есть четвертый архимаг!

От окна отпрянула, прикрыв рот рукой.

Он – архимаг! Вот отчего при нем магия моя таяла, как первый снег на солнце! Вот почему встал так быстро! И вот по какой причине видел все в избе моей!

Архимаг он!

Тот, кто силою своею превосходит и магов, и ведьм, да и лесной ведунье при встрече с архимагом не поздоровится, от того никогда, даже по законам, к гостеприимству обязывающим, не пропускаем мы их на свою территорию.

Архимаг...

Поверить не могу! Вот стою, вот смотрю и все равно поверить не могу! Может, все же ошиблась?

Ну да, помню знак Аравена, Тиромир мне про него подробно рассказывал, да только я не в учебник смотрела, а на самого Тиромира тогда, да так, что глаз от парня не отрывала. Но вот, поди ж ты, запомнила получше, чем иные уроки наставницы, чтоб ее!

И окно я захлопнула да на стул медленно опустилась.

На листке бумаги начертала знак Аравена так, как было правильно – ромбом. А рядом то клеймо, что кривым

неравномерным ожогом изранило спину мужика сего гордого, сильного, да не сломленного даже опосля случившегося. И вот любой другой сломался бы, вообще любой – маги, узрев во сне кошмарном клеймление, месяцами успокоительные отвары пили, а охранябушка выстоял. Уж не знаю как, и какой это стойкостью обладать надобно, чтобы опосля такого да выжить. И не просто выжить, а силу свою сохранить вопреки всему, что с ним проделали.

Знак Аравена – это двери. И эти двери на охранябушке выггли самым варварским способом – наживую, но свою магию он не отдал. Уж не знаю как. И не ведаю, сколько боли вытерпел, да только – не отдал.

Может, от того и не творят такого с архимагами? Архимаги сами творят, бывает, из магов осужденных силу выкачивают для себя али приспешников своих, но чтобы из целого архимага силу пытались вытянуть да каким-то заурядным магам передать? Немыслимо такое. Просто невымыслимо.

Но вот она, печать страшная, вижу воочию!

А беда? Беда любой опытной ведьме была очевидна – архимаг он, а на него печать замыкающую наложили, на архимага целого. Словно знать не знали, ведать не ведали, что рано или поздно магия его проломит и печать, и оковы разума. И вместо вменяемого заклеяменного – обезумевший неограниченный архимаг будет, да такой силы, что весь мой Заповедный лес одним движением руки сметет...

Убивать его надобно. Сейчас, пока сила его из-под печат-

ти не вырвалась, пока разум цел, пока еще можно убить. И будь на моем месте любая нормальная ведунья лесная – она убила бы не раздумывая, потому что вот он вот, водой ныне обливающийся, он – угроза всему живому на сто миль вокруг! И в какой миг магия его сломит и печать, и разум, оно же неведомо, так что надо бы убить не раздумывая, я ведь не только своей жизнью рискую, тут весь лес в опасности.

А еще я ведьма. Ведьма обученная, толк в магии ведающая, и от того, убив архимага этого, его силу я могу забрать себе. Всю его силу. Дверь-то уже есть, а я в своем лесу, в своей силе и даже в своем праве. И ошейник рабский с артефактом, волю ломающим, тоже у меня, а значит, и сопротивляться мне архимаг не сможет. Странно только, что не убили его ранее, опосля того, как ошейник на его шее защелкнули.

И если убью его да магию в себя впитаю, тогда по могуществу не будет мне равных. Даже с Силой Лесной потягаться смогу.

Мог ли знать о том раб мой нечаянный? Скорее не мог не знать! Не от того ли он, сняв рубашку, спиной к окну повернулся, словно предполагал – приглядывать буду да и увижу. Неужто настолько жизнь не мила?

И тут со дна постучали.

Не ко времени постучали, да делать нечего – схватила блюдо серебряное, по нему яблоко наливное пустила катиться и ответила на зов ведьминский.

Стучала Славастена. Она была древняя, опытная, опасная. Она вот как раз в силу вошла, мага убив, с тех пор даже Изяслава к ней прислушивается, и первая голову опускает при встрече.

Но я уже была вне иерархии ведьминской.

– Чего хотела-то? – раздраженно спросила я, снимая иллюзию и запирая дверь на засов одним движением руки.

Славастена же с иллюзией оказалась – а потому встретил меня ясный взгляд зеленых глаз, насмешливо изогнутые губы молодой девицы да рыжие косы, что Славастена носила не прибирая.

– Что ж ты такая грубая-то? – насмешливо поинтересовалась она. – Мала еще старшим грубить.

Может, и мала, да со Славастеной у меня свои счета были, от того и извиняться не стала.

– Я вот о чем хотела спросить – твой бык-то? – насмешливо поинтересовалась вовсе не ведьма.

И взмахнув рукой перед серебром, показала мне картину неприглядную – как идет маг королевский к спальне своей, как изогнулись губы его в кривой коварной похабной ухмылке, едва шум в спальне услышал, как дверь распахнул магией, руками не прикасаясь, да от всей одежды одним движением избавился...

И дверь захлопнулась, прикрывая обнаженный магический тыл.

Затем раздался рев. Для начала мага, под конец быка...

Причем именно бык ревел обиженно и оскорбленно...

– Да чего ж это делается?! – не выдержала я. – Да чего ж он со скотиной-то беззащитной творит, бесстыдник!

Скотина оказалась далеко не беззащитной, и в следующее мгновение мага вынесло из номера гостиничного вместе с окном. Заратар, смущаясь присутствия многочисленных зрителей, в полете попытался одеться и успешно одел... столб, дерево, окно, на котором летел, и кузнеца Ивана, со всеми вместе оторопело наблюдающего за действием. А себя маг так облачить и не смог – видать, летел слишком быстро, так что наземь упал в чем мать родила, на потеху мужикам и к смущению женской половины Веснянок.

А потом прямо со второго этажа на землю прыгнул определенно оскорбленный незаурядным предложением бык. Он копал землю копытом, пускал пар ноздрями и гнул рогатую голову, демонстративно намекая, что он этого так не оставит и вообще очень даже лежащих бьет... Магу пришлось улепetyвать обнаженным, одаривая на ходу одеянием всех, кроме себя. В результате его стараний столбы указательные, верстовые, извещательные да дорожные, а еще заборы бревенчатые местами в Веснянках еще никогда не были такими нарядными. И наряды были все как один – магические. С мантиями. Что не особенно расстроило местных жителей – мантии вполне годились, к примеру, на плащи, а рубахи со штанами да исподним предприимчивый народ аккуратно распарывал, и я точно знала, чем теперь будут заниматься хозяйшки

в Веснянках долгими зимними вечерами – шить. Раньше-то все больше вышивали да вязали, а теперь точно будут шить.

Когда незаурядная парочка «оружий голый маг и требующий справедливости бык» исчезла за поворотом, Славастена свернула изображение, вновь продемонстрировав себя, и вопросительно вскинула бровь.

– Ну... – проямлила я, – так получилось.

– Да неужели? – издевательски переспросила эта... ведьма.

– Я же не виновата, что бык обидчивый попался, – попыталась оправдаться хоть как-то.

– А кто поверит тебе, ведунья? – И теперь не только издевка в голосе ее была, но и угроза.

Практически угроза.

Чуть не сглотнула нервно... не знаю, как удержалась.

– Сделаем так, Валкирин, – голос Славастены сладок стал, аки мед, – я тебя прикрою и от королевского воздаяния, и от мести мага этого, от тебя лишь одного хочу – не сегодня завтра по твоей территории обоз с невольниками пройдет – пропустишь. Пропустишь, и Саврану слова не скажешь!

Так значит, да?

Очень медленно подняла руку да и сделала то, о чем давно мечтала – показала фигу бывшей наставнице. Внушительную такую фигу.

И глаза Славастены вспыхнули зеленым огнем.

– Пожалеешь ведь, – прошипела она.

– Это вряд ли, – нагло ответила я.

– Я ведь тебя, дуру, пожалела тогда! – прошипела стремительно стареющая ведьма.

– Интересно, а с каких это пор попытка особо жестокого убийства именуется словом «пожалела»? – разъяренно спросила в ответ.

И остановила бег волшебного самовосстанавливающегося яблока, прерывая связь.

* * *

Посидела, сама не заметила, как задумчиво яблоко наливное сгрызла – на сутки, не меньше, отрезая себя от всего мира. Может, и к лучшему...

Потому что Славастена меня дурой назвала не зря. Но обиднее всего то, что... ну не поумнела я. Как-то вот вообще. И тогда вляпалась, и сейчас вот тоже вляпалась, да так, что выберусь или нет – неясно.

Из печи высунулся домовой, посмотрел на меня, догрызающую черенок от яблока, укоризненно, покачал головой и сказал:

– Ничему тебя жизнь не учит.

Даже отвечать не стала.

Поднялась, плащ на плечи накинула, капюшон на голову набросила, иллюзию на лицо и руки, захватила клюку со все еще висящим на ней артефактом, раба подчиняющим, и вы-

шла на двор.

Охраняб мой ел, сидя перед сдвинутым в сторону котлом и горящим огнем костра. Сидел он в мокрой рубашке, некрепко держа тарелку, руки-то все еще были слабыми, но с грацией орудуя ложкой. Меня он не услышал, сидел спиной к избе, да и шла я босая, но каким-то образом почувствовал – замер.

– Не оборачивайся, – приказала, убирая иллюзию.

– Что так? – хрипло спросил.

Объяснять не стала, пригрозила только:

– Артефакт подчиняющий при мне.

Понял, сглотнул гулко.

Застыл напряженно.

Я медленно подошла вплотную, прикоснулась ладонью к рубашке так, чтобы мокрая ткань обрисовала клеймо – едва ли я рискнула бы прикоснуться к ожогу напрямую. А так, через ткань, провела пальцем, касаясь каждой из семи меток. Сначала тех, что ставили архимаги – ведьмой я была так себе, так что увидеть смогла лишь фигуры в капюшонах и ничего более. Трое магов, что собирались силу плененного отобрать, виднелись лучше. Двое из них были молоды, причем один показался мне знаком, но опознать не смогла, как ни старалась.

А вот последней я коснулась той точки, в которой сходились направляющие линии от магов и контролирующие от архимагов.

И словно молнией явилось-вспыхнуло произошедшее – охраняб мой на алтаре черном лежит лицом вниз, руки стянуты и путами магическими, и путами заговоренными, и путами стальными, а все равно дрожит-крошится гранит словно песок да стиснув зубы, сопротивляется до последнего архимаг мой. Кровь струится из уголка рта, кровь струится по спине обожженной, мясо опаленное дымится, боль глаза застилает пеленой тьмы накатывающей, но не сдается архимаг и сдаваться не собирается.

– Ну что, многое увидела? – насмешливо спросил охраняб.

Язвит он, гордый. Такой гордый, что хоть убейся, а мне жалко его так, до слез просто.

– Не бойся, вреда не причиню, – тихо сказала я.

– Не боюсь, – напряженно произнес он, – но где твои когти, ведьма?

Я вздрогнула. Мгновенно отняла руку. Поразмыслила над фразой его «Ну что, многое увидела?». Так, если подумать, то что должна была бы увидеть ведунья? Клеймо. Нормальная ведьма в принципе – тоже клеймо.

Так что сочувствие свое запихнула куда подальше и воинственно выдала:

– Так подпилила, когти-то. Мужик же в доме, вот и занялась собой. Это только начало, еще космы свои расчешу замшелые, кожу увлажню кремами омолаживающими и, глядишь, передумаешь ты служить мне охранябом и начнешь

набиваться в любовники.

Полагала, что передернет его от омерзения, но он только усмехнулся.

А затем как-то очень странно протянул:

– Ты слишком хорошо вымыла котелок, ведьма. Он прямо сияет.

Меня пробрала дрожь. Очень медленно повернув голову, взглянула в сторону котла с похлебкой и увидела свое отражение – растрепанные волосы, виднеющиеся из-под сползшего назад капюшона, лицо девчачье испуганное, глаза, широко распахнутые, и ужас, который я, к стыду своему, не скрыла.

– Да меня даже сползший на подбородок глаз напрягал меньше, чем это, – хрипло признался маг.

Я поняла, о чем он: я ведьма молодая, в силу не вошедшая, то есть усиливаться за счет убийства магически одаренных еще могу. А тут вот он весь – в моей власти, с ошейником и артефактом, волю ломающим, и целый архимаг. Убивай не хочу просто!

И ведь что не скажи сейчас – не поверит. Выглядит все слишком уж – и караван встретила, и себе мужика забрала, и артефакт подчинения не забыла прихватить, и ошейник все так же на нем, и прикажи я на алтарь лечь – сопротивляться не сможет.

Почувствовала себя владельницей целого архимага!

Рабовладелица уже звучит гордо, а я теперь и того боль-

ше – архимаговладелица!

Постояла, подумала. Решила, что оправдываться глупо, скрываться тоже уже смысла нет. Сняла плащ с себя, откинула на ступени, с клюки сняла артефакт – демонстративно надела себе на шею, чтоб знали некоторые охранябы – кто тут хозяин, и, отправив клюку прыгать в избу, обошла мужика и села рядом.

Посидела, подперев кулаком подбородок, посмотрела на огонь, затем искоса взглянула на мужика и спросила:

– И как суп?

– Похлебка, – напряженно ответил он, все так же сидя с неестественно прямой спиной. – Хочешь?

Кивнула, прикусив язык, чтобы не спросить: «А не отравлено ли. Свистнула домовому, тот принес еще тарелок и ложек, себе из котелка похлебки набрал и умчался в дом – он в этом лесу вообще гость незванный, потому у меня в домике и скрывается.

А вот мне архимаг сам похлебки набрал сполна, тарелку галантно протянул, пристально за каждым движением следя. А едва я за ложку взялась, насмешливо поинтересовался:

– И даже не спросишь, не отравлено ли?

– Я хотела, – честно призналась рабу, – но решила тебя не обижать.

– Спасибо, добрая госпожа, – язвительно ответил он.

Но несмотря на язвительность, взгляд его, на меня направленный, стал каким-то задумчивым, что ли.

Из дома выскользнул домовой за добавкой, поцокал одоб- рительно, хваля повара, и умчался обратно в избу.

– Твой первый су... в смысле похлебка? – спросила я, осторожно набирая варево в ложку.

Пахло вкусно.

– Практически, – мрачно ответил архимаг, у которого впе- реди была в лучшем случае смерть, в худшем безумие... ну, это он так думал.

А вот я точно знала, что вообще-то у него впереди была я, и надо бы ему как-нибудь на это намекнуть, только я еще не придумала как.

И вкус у похлебки оказался тоже потрясающим, я даже глаза прикрыла от удовольствия – вкусно. Давно я горячего такого не ела, соскучилась.

– Короче, сделаем так – готовишь теперь ты, – решила, на- бирая уже пятую или шестую ложку, я, кажется, после пер- вой счет потеряла.

Маг скептически посмотрел на меня, усмехнулся и сказал:

– Ты ведь уже поняла, кто я. Повар из меня не лучший будет, я уже лет сорок как не готовил в принципе.

Чуть не подавилась, удивленно взглянула на него и честно призналась:

– Просто поверь, я готовлю хуже.

Подумала и призналась еще честнее:

– И ведьма из меня примерно такая же. Никакая в смысле. Теперь аппетит пропал у мага, а взгляд его стал очень,

просто очень напряженным.

Подтверждая его худшие предположения, добавила:

– Печать будем снимать.

– Дура, – тихо, но очень отчетливо произнес архимаг.

Пожала плечами, ничуть не отрицая.

И не удержавшись, спросила:

– Ты ведь клеймо неспроста мне показал, не так ли?

И на него посмотрела с улыбкою.

И вот знаю же, что сама по себе я так себе, а вот улыбка у меня светлая да приветливая, и люди обычно на улыбку мою улыбкой же и отвечают – а мужик мой лишь помрачнел сильнее. Затем кинул ложку в свою тарелку с недоеденной третьей порцией похлебки, отложил посудину, развернулся ко мне всем своим внушительным разворотом плеч и вдруг спросил:

– Тебе сколько лет, ребенок?

И я обиделась. Seriously обиделась. За что он вот так со мной?

– Сам – дитя малое! – высказалась в запальчивости.

– Да уж постарше тебя буду! – не остался он в долгу.

Я помолчала, разъяренно глядя на доходягу этого, у которого гонору прямо как у архимага без трудностей в жизни вообще, да и... есть продолжила.

– Неладное я еще утром заподозрил, – сложив руки на груди, сообщил мужик. – Видишь ли, больно хороша ты для работницы старой карги. Такие ведьмы, как та, которую ты

изображала, юных, ладных да пригожих держат лишь для одного – чтобы отобрать и молодость, и красоту, и привлекательность. Ну и жизнь заодно. Ты же спокойно в ближайшую деревеньку на ярмарку отправилась...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.